

Истина — это крошечный остров
в океане лжи и заблуждений.

Аноним

Она *едва* не опоздала на поезд. А все потому, что вместе с *убийцей* выбирала книги.

Или с *предполагаемым* убийцей, хотя Нина не сомневалась, что в гибели как минимум десятка людей виноват именно он.

В смерти «десяти негритят».

Тех самых десяти, сумевших уйти от правосудия и заслуженного наказания преступников, каждый из которых был виновен в чьей-то гибели; тех, кого он, убийца, тщательно спланировавший и осуществивший всю эту жуткую операцию возмездия в строгом соответствии с детской считалочкой, заманил на Негритянский же остров на юге Англии, в паре миль от побережья Девона.

Тех самых «десяти негритят», жизнь и смерть которых друг за другом от руки крайне изобретательного и столь же изворотливого поборника карающего меча неотвратимого правосудия (а также шприца с ядом, топора, револьвера и трости со свинцовым набалдашником) выдумала и живописала в своем всемирно известном романе, признанном лучшим детективным произведением всех временем и народов, королева этого жанра — Агата Кристи.

Ну да, вот так банально *едва* не опоздала на поезд с Паддингтонского вокзала, который отправлялся в Плимут, графство Девон, в двенадцать сорок.

Убийца, старый судья Уоргрейв, которого в первом советском триллере играл неподражаемый Владимир Зельдин (Нина именно таким его себе и представляла — до того, как оказалась в самом знаменитом, шокирую-

щем и столь безнадежном романе Агаты Кристи), в *реальной* жизни был ничуть не похож на персонажа фильма Говорухина.

Ну *просто* ничуть.

Хотя жизнь, в которой она оказалась, шагнув через литературный портал — свою деревянную темно-синюю лакированную дверь с ручкой в виде разинутой пасти льва, — основывалась на событиях выдуманного произведения и авторской фантазии, была, с одной стороны, фиктивная, однако с другой — абсолютно настоящая.

Просто она разворачивалась в своей особой, параллельной, литературной вселенной, доступ к которой открывался лишь избранным и только через этот самый портал и свою собственную *дверь*.

Нина, одетая, как полагалось по моде середины тридцатых годов, ничуть не выделялась из толпы пассажиров, сновавших по заполненной угольным паровозным дымом платформе. Она и не имела права выделяться — не хватало еще, чтобы ее разоблачили и, чего доброго, арестовали.

Хотя она могла в любой момент вернуться в *свой* мир, открыв *собственную* дверь.

Если та, конечно же, *была готова* выпустить ее из литературной вселенной, в которой она оказалась, ведь иногда случалось, что дверь не открывалась, потому что задание, с которым Нина прибыла в эту художественную вселенную, не было выполнено до конца.

А она и прибыла — чтобы, если получится, остановить гибель пусть и замешанных в убийствах, но не заслуживающих подобной жуткой участи «десяти негритят».

И изобличить убийцу, того самого, который, посмотрев на большие часы, показывавшие половину первого, неторопливо зашел в книжный магазинчик на Паддингтонском вокзале.

Понимая, что без старого судьи Лоуренса Уоргрейва она в поезд не сядет, Нина, то и дело посматривая на наручные часики и теребя кружевные манжеты, послушно последовала за ним.

Объект *не следовало* упускать из виду.

Судья, облаченный, несмотря на достаточно жаркую погоду начала августа 1936 года, в длинное пальто и ко-

телок, держал в одной руке, затянутой черной кожаной перчаткой, массивную трость с диковинным набалдашником (уж не ту ли, при помощи которой он расправился с одним из «негритят», старым генералом, роль которого в советском триллере исполнял Михаил Глузский, с силой опустив массивный набалдашник на затылок вояки, виновного в том, что еще во времена Первой мировой он отправил на неминуемую смерть во фронтовой мясорубке любовника своей жены?), а в другой — объемистый саквояж, в котором наверняка покоились предметы, необходимые для ряда прочих убийств на острове, остановился около стенда с *детективной* литературой.

Уж не с романами ли Агаты Кристи — той самой, продуктом воображения которой он, в сущности, сам и являлся?

Нина, вновь беспокойно посмотрев на часы и понимая, что до отправления поезда остались считанные минуты, все размышляла, как же ей поступить — старый судья что, *передумал* ехать на Негритянский остров и решил остаться в Лондоне?

Или он просто забыл о времени — и стоит ему тактично напомнить? Только вот *как*? Подойти и, взяв под локоток, душевным голосом произнести: «Ваша Честь, поезд сейчас отправится вместе с «негритятами», но без вас, их убийцы. Не соблаговолите ли пройти в салон первого класса? Может, вас проводить на платформу? Разрешите помочь вам с вашим наверняка тяжеленным и полным смертельных вещиц саквояжем».

И он, вручив ей забитый орудиями будущих убийств саквояж, позволит проводить себя на перрон к вагону первого класса.

И это при том, что она сама, как и надлежало особе ее положения, ехала в *третьем*.

Понимая, что такого *точно* не будет и что подобное она никогда не скажет, Нина вновь посмотрела на часы: до отправления поезда оставалось шесть минут, а старый судья Уоргрейв, к которому, явно распознав в нем солидного и, что важнее всего, состоятельного клиента, тотчас подлетел услужливый, с зализанными волосами, молодой продавец.

Если старый судья не торопился, даже поставив тяжелый саквояж, в котором было *невесть что*, на пол, зна-

чит, это было частью его плана. Это ведь роман Агаты Кристи начинался со сцены с ним в купе, однако Нина еще во время своего самого первого путешествия, которое завело ее в дебри до той поры не особо ею любимого романа Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы», убедилась, что литературная вселенная, пусть и порожденная фантазией автора, жила по своим собственным, ни от кого не зависящим законам, и зачастую там все было не просто иначе, а шиворот-навыворот¹.

Как и в реальной жизни. Впрочем, это и *была* реальная жизнь, и призывный гудок *их* паровоза на Плимут, самый большой город графства Девон, был красноречивым, вернее, *трубогласным* тому подтверждением.

Автор создавал своего рода литературный каркас, а вселенная мира его фантазии, получив путевку в жизнь, обвивала его причудливо переплетенными лианами, зачастую пускавшими *крайне* экзотические литературные цветы.

И в «Братьях Карамазовых» тогда все оказалось *далеко не так*, как у Федора Михайловича, и хоть насильственную смерть старика Карамазова она предотвратить не смогла, однако сумела вычислить его убийцу, который оказался совсем не тем, кого все поколения читателей считали таковым.

А затем в «Анне Карениной» она *сумела-таки* спасти главную героиню от смерти под колесами поезда, а также от любовного адюльтера с Вронским, а помимо этого вывела на чистую воду целую отлично законспирированную банду великосветских убийц.

За прошедшие с тех пор несколько лет она побывала в разных местах и много чего изменила: нет, не в книгах, сюжет которых всегда остается неизбылемым, подчиняясь только воле автора — что на бумаге, что в цифровом варианте в Интернете, а в отпочковавшихся от произведений параллельных литературных вселенных, не менее реальных, чем тот мир, в котором жила сама Нина.

Кто знает, может, и она сама — *тоже* героиня чьего-то романа?

---

¹ Речь об этом идет в романе Антона Леонтьева «Пепел книжных страниц», издательство «Эксмо».

Если это и было *так*, что ничего против этого Нина не имела, а доступ к portalу в литературные миры стал ее жизнью — подлинной и изменению не подлежащей.

А потом была «Лолита» Набокова, которая не только *не* умерла юной, успев пережить годы сексуального рабства у своего жуткого отчима, а затем у шайки извращенцев, но и вообще избежала участи стать чьей-то жертвой, вместо этого наслаждаясь счастливым детством обычной резвой девчушки¹.

Ну а затем последовало путешествие в другой роман Кристи, «Убийство Роджера Экройда», и все для того, чтобы установить, что и там все было *далеко не так*. И что он крайне странным образом связан с «Собачкой Баскервилей» Конан Дойла.

Крайне хитроумного и насквозь порочного злодея, наследившего и *тут*, и *там* и обладавшего способностью путешествовать, как и она сама, по литературным мирам, являясь при этом, однако, персонажем романа, Нина в итоге разоблачила, но *какой* ценой!

Пришлось совершить путешествие в «Десять негрятят».

Делая вид, что она сосредоточенно изучает путеводители Кука, примыкавшие к стенду с произведениями королевы детектива, Нина бочком приблизилась к старому судье Уоргрейву, который пролистывал подсовываемые ему продавцом романы в мягкой обложке.

— Сэр, разрешите предложить вашему вниманию вышедший в прошлом месяце роман миссис Ариадны Оливер «Убийство в Ассирии». Я просто всю ночь читал, не в состоянии отложить.

Ну да, не Агаты Кристи, а *Ариадны Оливер* — Нина это уже знала. Это был сатирический образ великой детективщицы, выведенной Кристи в ряде романов, и шарж на саму себя. Нина помнила: в мире романа Достоевского никто не знал самого Федора Михайловича, что неудивительно.

А в романах Агаты Кристи ее произведения, выходит, сочинила та, кого писательница и изобрела — ее «второе я»: взбалмошная Ариадна Оливер!

---

¹ Об этом повествует роман Антона Леонтьева «Ее настоящая жизнь», издательство «Эксмо».

Никакого романа с названием «Убийство в Ассирии» Кристи, конечно же, не писала, из-под ее пера вышло хрестоматийное «Убийство в Месопотамии», и вот Ариадна Оливер создала это произведение и, судя по обилию ее романов, была здесь королевой детектива.

И в этой вселенной Ариадна Оливер ну никак не могла написать «Десять негрятят», зато, вероятно, создала иной роман, по своему драматизму и гениальности тому не уступающий, но в мире Нины никому не известный.

Вот только *какой?* Жаль, что узнать этого Нина еще не могла: в ее мире Агата Кристи написала свой шедевр в 1939 году, и если дата создания этого произведения здесь не изменилась, то предстояло ждать еще целых три года, потому что на дворе стоял август 36-го.

О том, что была суббота, восьмое августа, свидетельствовали свежие газеты, заголовки которых гласили у серьезных изданий: *«Олимпийские игры в Берлине продолжатся. Весь мир в потрясении от Джесси Оуэнса, выигравшего стометровку»*. Или: *«Власть после переворота в Греции перешла к военным»*. А также: *«Вести с поля битвы в Испании: кардинал провозгласил крестовый поход против коммунизма»*. Ну и, конечно, у бульварной прессы: *«Король, по слухам, сделал предложение миссис Симпсон»*.

Нина, к путешествию в тридцатые тщательно готовившаяся, знала, что все эти события и в самом деле произошли в августе 36 года.

И даже король был все тот же, дядя Елизаветы Вечной из ее мира, тот самый Эдуард, который ради брака с разведенной американкой отрекся в декабре того же года от престола, тем самым открыв к нему путь девочке-принцессе, которую Нина всю свою жизнь знала пожилой, *очень* пожилой и *крайне* пожилой дамой с седыми волосами и в нарядах пастельных тонов.

Но имелись отличия. Так, «Бизи Би», специализировавшаяся на сплетнях из мира знаменитых и богатых, ставила своих читателей в известность: *«Голливудская дива Габриэлла Тёрл тайно сочеталась браком в Каннах с американским миллионером Элмером Робсоном III»*.

А еще: *«Пилот Майкл Сетон готовится к перелету через Тихий океан»*. И — *«Новая информация о сэре*

Мэтью Сетоне, его дяде и самом богатом человеке Британии и орнитологе-любителе: диагноз рака вскрытие не подтвердило. Его самоубийство морфином в конце июля после того, как он впервые за двадцать три года покинул свое поместье в Шотландии и отправился наблюдать за птицами: фатальная ошибка врача, фантазии богатого чудака или семейное проклятие? Все подробности только у нас!»

Чувствуя дрожь в пальцах, Нина взяла это издание, приятно пахнущее свежей типографской краской. Именно дяди и племянника Сетонов о чем-то ей говорили, но она сконцентрировалась на фото голливудской звезды.

Она была рада за незнакомую, судя по черно-белому фото, более чем прелестную кинематографическую диву, которая, однако, существовала только тут — и в мире романа Кристи была, по слухам, одной из предыдущих владелиц Негритянского острова, который, выходит, купила у своего нынешнего мужа, американского миллионера; того самого острова, который в *здешней* литературной действительности приобрел неторопливо рассматривавший творения альтернативной королевы детектива (и сам являвшийся таковым) старый судья Уоргрейв, судя по всему, ничуть не торопясь на скорый в Плимут, отправлявшийся через четыре, нет, уже *три* минуты.

Тот самый судья Уоргрейв, ничуть не похожий на актера Владимира Зельдина: с неприятным вытянутым лошадиным лицом, острыми, как лезвия, тонкими бескровными губами, ухоженной седой эспаньолкой и пронзительными, близко посаженными, темными глазами.

Глазами убийцы?

Если не убийцы в настоящем, *так* в будущем.

Или *нет*?

Вот чтобы это разузнать, Нина и прибыла сюда через свою дверь литературного портала.

— Это я уже читал, — заявил скрипучим, далеко не самым приятным голосом судья, — автор не имеет ни малейшего представления о реалиях наших протекторов на Востоке!

А этот крайне неприятный субъект, выходит, имел?

Крайне неприятный и *явно* не торопившийся на скорый в Плимут.

Краем глаза заметив Нину и с некоторым пренебрежением оценив ее скромный костюм, сделав вывод, что клиентка далеко не самая важная птица, в отличие от этого импозантного джентльмена, продавец обратился к девушке:

— Мисс, если вы хотите читать «Бизи Би», то прошу вас купить ее!

Нина, смутившись, поняла, что он принял ее за стесненную в средствах особу, которая, околавываясь в книжной лавке и не покупая периодику, листает газеты и знакомится с актуальными событиями.

— А романы Агаты Кристи у вас есть? — спросила она на всякий случай, и продавец процедил:

— Агаты *кого*? Впервые о такой слышу! Она что, поваренные книги пишет?

Ну да, нечто вроде «Как приготовить идеальное убийство».

Так и есть, Агату Кристи в *этом* мире никто не знал.

— А вы не подскажите, с какой платформы отправляется скорый на Плимут? — спросила Нина намеренно громко на тот случай, если старый судья Уоргрейв все же забыл, что ему уже давно пора расположиться в салоне первого класса, перебирая в уме все детали предстоящих серийных убийств.

Обращалась она к продавцу, хотя реплика была адресована именно что судье, а торговый работник, нервнo дернув шеей, заявил:

— Мисс, я вам не справочное бюро, а книжный агент!

Ну да, будь она в норковом мантио и с длиннющим жемчужным ожерельем вокруг шеи, он бы выскочил из лавки и, узнав, что требуется богатой и, вполне вероятно, знатной покупательнице, с лъстивой улыбкой проинформировал бы ее. Вполне закономерно надеясь на щедрые чаевые. А так, зная, что от этой скромно одетой девицы, к тому же явно *иностранке*, говорящей по-английски хоть и бегло, но с акцентом, не только чаевых, даже скудных, не дождешься, но и даже свежую «Бизи Би» ей не продашь, он откровенно грубил, предпочитая обихаживать явно выгодного клиента.

«Вашу Честь» судью Уоргрейва, легендарного лондонского юриста и по совместительству — в скором будущем — убийцу «десяти негрят».

А затем подобострастно принялся подсовывать судье другие романы королевы детектива Ариадны Оливер.

— Ах, сэр, да вы, я смотрю, отлично разбираетесь в детективах! Всегда приятно иметь дело со знающим человеком. Тогда вот, прошу вас, один из последних романов миссис Оливер *«Почему позвали Робертс?»*.

Ну да, опять роман с иным названием — в реальности, ее реальности, это должен был быть *«Почему не позвали Эванс?»*.

Судья, повертев книгу, буркнул:

— Тоже знакомо. Сцена дознания коронером — полная нелепица, ничего более смехотворного я в своей жизни еще не читывал.

А затем, стоя сутулой спиной к Нине, произнес:

— Скорый на Плимут отправляется с шестой платформы, мисс. Причем через две минуты. И если вы не поторопитесь, то опоздаете на него.

Нина замерла. Нет, явно не забыл, но, выходит, все же *переменил планы?* Если так, то и она изменит свои, потому что она не должна упускать из виду убийцу.

Вероятного убийцу.

Ведь чтобы узнать всю правду здешней литературной вселенной, она и попала сюда через свой портал.

— Ах, сэр, да вы просто знаток, каких мало, сэр! Ну, вот, к примеру, один из не самых новых, «Загадка Хорс-хауса».

Ну да, это была ариадноливерская версия агаatokристовской «Загадки Энд-хауса».

— Гм, а вот это я в самом деле еще не читал.

Сияя, продавец заявил:

— Сэр, вам завернуть?

Судья, наконец подняв стоявший у его ног тяжелый саквояж, заявил:

— Нет, не надо, милейший! Вот, держите, сдачи не надо. Мне пора, иначе мой поезд сейчас уйдет.

Прихватив «Загадку Хорс-хауса», судья, сопровождаемый певшим ему осанну продавцом, направился к выходу.

Нет, *не* забыл и *не* переменял планы. Судя по всему, субъект этот крайне хладнокровный, не поддающийся панике и умеющий выжидать.

Идеальный серийный убийца.

Уже на пороге лавки, снова не оборачиваясь, судья опять обратился к Нине, так и замершей около стенда с газетами:

— Мисс, поезд уходит через минуту. Или вы передумали?

Он обернулся, и Нина заметила на его губах странную ухмылку.

Положив газету на место, Нина быстро проследовала за судьей, который, как оказалось, несмотря на свой возраст, обладал быстрым шагом (а также *железными* нервами и *тяжелой* рукой), на шестую платформу.

Состав, походивший на тот, в котором ученики Хогвартса ежегодно с платформы 9¾ отправлялись навстречу новым колдовским знаниям и очередным захватывающим приключениям, уже был окутан клубами дыма.

Раздался резкий свисток проводника, и Нина заметила, как судья, вполне по-молодецки вскочив на подножку, оказался в вагоне первого класса.

Она сама, понимая, что поезд вот-вот тронется, унося к острову «негритят», а также их убийцу, а ее саму оставив на платформе Паддингтонского вокзала, вцепилась в поручень первого попавшегося вагона, и проводник помог ей забраться в уже пришедший в движение состав.

— Мисс, в следующий раз прошу вас так не делать. Это только в приключенческих фильмах героини могут лихо садиться в уходящий с платформы поезд. В этот раз я, *так и быть*, закрою на это глаза. Вы меня поняли, мисс?

Заверив проводника, хоть и журившего нарушительницу порядка, но явно не собиравшегося ни ссаживать ее, ни штрафовать, что *она поняла и больше так не будет*, Нина протянула ему свой билет, который тот желал увидеть.

Ну да, поняла, это так, и уж *точно* больше не будет, потому что *вряд* ли ей придется снова сесть в скорый на Плимут, который уносил ее, все разгоняясь, в сторону побережья Девона.

— Мисс, у вас место в третьем классе, а это — второй. Разрешите, я вас провожу!

И, отконвоировав ее в общий вагон с жесткими и неудобными деревянными сиденьями, прямо как в старых советских электричках, проводник с неизменной британской вежливостью пожелал ей *доброго пути* и удалился.

Вежливость вежливостью, но всяк знай свое место: кто, как судья-убийца, в первом классе, а такие, как она, в третьем: сословно-финансовых различий в Британской империи никто еще не отменял.

Ощувив внезапно накатившую на нее от переживания последних минут усталость, Нина опустилась на свободное место. И вдруг заметила, что напротив нее восседает с абсолютно прямой спиной, словно аршин проглотив, облаченная во все черное чопорная, совсем не старая, но блеклая и малопривлекательная особа, одетая немодно и бедновато: в уродливой, в стиле старухи Шапокляк шляпке, с тусклой камеей, приколотой к тугому воротнику, и с резко посверкивающим на горбатом носу пенсне.

А в жилистой руке, сжимавшей небольшую сумочку, стоявшую у нее на острых коленях, попутчица держала бледно-синий листок, на котором было что-то напечатано: что, Нина прочесть не могла, но бумага была знакомого оттенка — у нее самой в сумочке покоилось *точно такое же приглашение*.

Приглашение на смерть на острове у побережья Девона.

Сердце у Нины забилося сильнее — ну да, это же и есть старая дева Эмили Brent, одна из «негритят»!

Та самая, которую судья убил, впрыснув ей в шею из шприца, наверняка покоившегося в бездонных глубинах его сакvojа, цианид, а затем, в полном соответствии со считалочкой, прикрепил ей к воротнику, сейчас украшенному дешевенькой викторианской камеей, осу.

Вина мисс Brent заключалась в том, что, узнав о беременности своей служанки, она выгнала ту из дома, после чего несчастная утопилась. Ну да, поступок, без сомнения, *абсолютно* бесчеловечный и *крайне* жестокий, но все же наивная дурочка, соблазненная каким-нибудь смазливый приказчиком (тут Нина отчего-то подумала о продавце книжной лавки с Паддингтонского вокзала),

или даже совсем *не* смазливый, топилась сама, ее голову в рукомойнике своей жилистой, сильной рукой мисс Brent не держала.

Если кого и следовало карать, так этого безымянного отца убиенного малыша, но для Агаты Кристи, придерживавшейся, по всей видимости, далеко не самых феминистских взглядов, что с учетом эпохи было *вполне понятно*, виновником всех бед была или глупышка-служанка, в минуту отчаяния принявшая сиюминутное решение и покончившая с собой, или ее бывшая хозяйка — малоприятная, явно придирчивая, без сомнений, скучная старая дева.

А вот Нина на месте судьи разузнала бы, с кем разводила шуры-муры несчастная, и пригласила бы на Негритянский остров именно его, а не эту, надо сказать, малосимпатичную особу.

— Вы тоже на Негритянский остров? — произнесла Нина, натужно улыбаясь.

Ну да, туда же, куда эта старая перечница, впрочем, судя по всему, *не такая уж и старая*, потому что не могла же она ехать куда-то еще?

В романе Кристи не могла, а в литературной вселенной — *запросто*.

Мисс Brent, поджав губы и сверкнув пенсне, подозрительно уставилась на нее.

— Не знаю, о чем вы ведете речь, мисс! Никогда не слышала ни о каком Негритянском острове!

Выходит, *не* мисс Brent? Или все-таки мисс Brent, но едущая в скором на Плимут, скажем, к старой приятельнице, например, *мисс Марпл*, а вовсе не по приглашению судьи.

Нет, именно что по приглашению, сомнений быть не могло: бумага послания в руке мисс Brent точно такая же, что и у того, которое лежало в сумочке Нины.

Значит, *врет*?

Старая дева мисс Brent, как помнила из текста Нина, практически выучившая роман за недели подготовки к визиту в эту литературную вселенную наизусть, никогда не обманывала, не грешила и, вероятно, *даже* не пользовалась услугами уборной.

Но зато выгоняла в штормовую осеннюю ночь несчастную глупую служанку, соблазненную каким-то про-

ходимцем, ничуть не заботясь о судьбе девушки и ее ребенка.

Ничуть.

Может, и прав судья, выбрав ее в качестве «негритенка»?

Тут подал голос один из сидевших на соседней скамье попутчиков, смазливый молодой тип, правда, не из разряда приказчиков или продавцов, а, вероятно, мелкий провинциальный джентльмен с изысканными манерами и без гроша за душой — иначе он ехал бы хоть *вторым*, а не третьим классом.

— Мисс, если позволите мне встрять в вашу беседу, то я тоже отвечу, что никогда о таком острове не слышал. А где он расположен?

Взглянув на молодого человека и отметив его энергичный подбородок и темные синие глаза, Нина отвела взгляд.

...Ну да, такой прекрасно знает, что женщины от него без ума, и он наверняка этим пользуется. Только вот о чем она думает, у нее же есть ее Женя — ее *доктор Дорн!*

Да, она ведь теперь была официально женой доктора Дорна, Евгения Сергеевича: ну прямо как в чеховской «Чайке». Да и сам Женя походил на Антона Павловича со старомодной, а теперь ультрасовременной бородкой и пенсне.

И пусть они не ходили регистрироваться в загс, а просто, обменявшись кольцами, решили, что отныне стали мужем и женой. Жаль, что кольцо ей пришлось оставить в своей вселенной. Но вряд ли бы его наличие остановило этого нахала, который с нескрываемым интересом пялился на нее.

В загс они не пошли, потому что у доктора Дорна документов не было, по крайней мере, современных: он ведь хоть и обитал в ее вселенной, был выходцем из иной, *литературной*.

Только вот какой, она не знала, ибо Женя упорно скрывал это, явно не желая втягивать ее в какую-то неприятную историю.

Чтобы помочь ему и отвести от него ищеек, контролировавших все литературные порталы и подозревавших его в каких-то жутких злодеяниях, Нина тогда и от-

правилась в «Убийство Роджера Экройда», а позднее в «Собаку Баскервилей».

Подозрения в итоге удалось снять, но отношение литературных «силовиков» к Жене не изменилось: он был пришельцем, вторженцем, подселенцем, безвизовым путешественником из одной вселенной в другую, причем из литературной в реальную, а это было строго-на-строго запрещено.

Почему, отчего и в связи с чем, Нина до сих пор не понимала, но договор был дороже денег: чтобы те «силовики», которых они промеж собой называли еще литературными дементорами и литературным КГБ, отстали от него окончательно, она и приняла их предложение, от которого нельзя было отказаться.

Отправиться в «Десять негритят» и узнать, как же все было на самом деле.

Если раньше она могла путешествовать ради своего удовольствия, то теперь у нее было спецзадание.

Ну да, *литературное* КГБ направило на задание ее, *литературную* Мату Хари.

Все еще чувствуя на себе взгляд нахального попутчика, Нина произнесла:

— Я, видимо, перепутала.

Да, но как она могла перепутать? Остров был Негритянский, точнее, в английском варианте назывался он еще похлеще, в ее вселенной теперь абсолютно не-политкорректным словом.

Но как могло быть, что *никто* из приглашенных туда об острове не слышал?

Ведь и судья, и мисс Brent куда-то ехали: один, чтобы совершить убийства, другая, чтобы быть убитой.

— Неудивительно, мисс, ведь вы явно иностранка, — заявила, пряча в сумочку приглашение на Негритянский остров, мисс Brent. — Вероятно, из России?

Нина, все еще чувствуя на себе пристальный взгляд нахального попутчика, ответила:

— Нет, мадам, из Германии.

— Мисс! — строго поправила ее собеседница. — Я никогда не была и уж точно не буду замужем!

Послышалась реплика еще одного пассажира, который, казалось, спал и их беседе не внимал.

— И зря! Хотя в вашем случае, мисс, вероятно, очень даже и нет.

Нина улыбнулась, а мисс Brent, фыркнув, извлекла из сумочки небольшую Библию и стала ее штудировать, демонстративно быстро переворачивая страницы.

— К вашим услугам, мисс. И я, хоть и знаю наши острова отлично, ни о каком таком Негритянском острове еще не слыхивал. Вы точно уверены, что он называется именно так? — произнес попутчик-остряк, и Нина немедленно поняла: это еще один «негритенок», полицейский в отставке Блор, имевший связи с криминальными кругами, виноватый в убийстве и также приглашенный судьей на Негритянский остров.

На остров, о существовании которого никто из туда приглашенных, получается, не имел *ни малейшего* представления.

Блор, как она помнила из романа, ехал на остров, выдавая себя за некоего Дэвиса, потому что судья нанял его в качестве охранника для драгоценностей хозяйки дома, что на самом деле было всего лишь еще одной уловкой, дабы заманить алчного экс-бобби в ловушку.

На остров, которого, как Атлантиды, не существовало.

Но куда тогда держал путь Блор-Дэвис, наверняка также получивший приглашение на бледно-синей бумаге?

В советском фильме его играл Алексей Жарков, а реальный Блор-Дэвис (а он был более чем реален, потому что Нина ощущала аромат дешевого парфюма, исходившего от него, вперемежку с табаком и потом), был невзрачным типом с бегающими глазами и жидкими рыжими волосами.

— Нина... — произнесла девушка и осеклась. Ну да, Нина Петровна Арбенина она звалась в своем мире, и тем более в России, а тут, в литературной вселенной, базировавшейся на романе Агаты Кристи, да еще в Британской империи лета 1936 года, была совсем иным человеком.

Точнее, должна была быть, чтобы получить возможность оказаться на Негритянском острове.

Если тот, конечно же, существовал в действительности.

Пусть и *литературной*.

— Вера, — ответила она. — *Вера Клейторн*.

...Ну да, если она и могла выдавать себя за кого-то, то только за няню и учительницу Веру Клейторн, которую в первом советском триллере играла Татьяна Друбич, за последнего «негритенка», чья вина заключалась в том, что она намеренно позволила вверенному ее попечению мальчику, стоявшему между ее любимым и деньгами с аристократическим титулом, выплыть в открытое море — и, конечно же, быть унесенным течением и утонуть.

Только вот любимый, интуитивно разгадав истинную подоплеку того, что все считали трагическим несчастным случаем и шалостью непослушного ребенка, за которую тот столь жестоким образом поплатился собственной жизнью, ничуть не виня коварную гувернантку, отвернулся от нее, а затем, наклюкавшись на океанском лайнере, излил душу первому встречному, который охотно внимал его пьяной исповеди.

Тем чутким слушателем был судья Уоргрейв.

Раздался чей-то вздох, а мисс Brent захлопнула Библию и заявила:

— Фамилия у вас английская, но вы ведь из Германии, как вы сказали?

Ну да, от акцента она избавиться не могла, было бы глупо выдавать себя за истинную британку, поэтому пришлось прибегнуть к трюку.

Немка — потому что теперь, выйдя замуж за Женю, она стала Ниной Дорн.

Хотя и не меняла фамилию.

— Моя матушка была англичанкой, а отец немцем, — пояснила Нина.

Мисс Brent, сверкая пенсне, заявила как отрезала:

— Вашим родителям следовало привить вам английский без акцента! Говорите вы понятно, но сразу слышно, что иностранка!

Подчеркивать этот момент мисс Brent явно нравилось, и живи она на век позднее, наверняка бы являлась безоговорочной сторонницей «брексита» и выдворения «всех этих» иностранцев с территории благословенной Британии (наверное, и «этого французского лягушатни-

ка» Пуаро с радостью тоже бы выслала, на что детектив-сладкоежка и ценитель серых клеточек на границе, конечно же, с истинно галльской экспрессивностью возразил бы, что он — *parbleu!*¹ — никакой не француз, а *бельгиец*, и это бы все только лишь *усугубило*: «столица евро-монстра Брюссель»), впрочем, уже давно потерявшей статус империи и скукожившейся до изначальной территории околеевропейских островов.

Ну да, островов, к которым Негритянский, судя по всему, *не* принадлежал.

Пока Нина раздумывала, что ответить, нахальный попутчик, все время не сводивший с нее взгляда синих глаз, вдруг выдал:

— Gnädiges Fräulein, aus welchem Teil des Deutschen Reiches kommen Sie genau?²

Нина, знающая немецкий *намного* хуже, чем английский, обеспокоенно заерзала. Если ответит по-немецки, то этот настырный субъект, явно владеющий этим языком на высоком уровне, сразу поймет, что у нее не только английский не родной, но и немецкий тоже, хотя она только что утверждала обратное.

Ее спасла все та же мисс Brent, заявившая:

— Говорить в английском поезде на немецком непатриотично! Но я готова признать, что их новый канцлер, мистер Гитлер, весьма успешен, в отличие от наших мягкотелых британских аристократов. Нам, как и Германии, как и Италии, нужны железная рука, порядок и диктатура, и тогда все станет на свои места!

Да, мисс Brent оказалась не только старой ханжой, но еще и поклонницей фашизма. Впрочем, в тридцать шестом, еще задолго до начала Второй мировой, такими были многие британцы.

В разговор вмешался Блор-Дэвис, заявивший, что это не так.

— Я воевал и помню, как зверствовали эти ваши любители железной руки и порядка в Бельгии. Если вы такая патриотка, *мисс*, то как можете считать, что их канцлер лучше нашего премьера?

---

¹ Черт побери! (фр.)

² Достопочтенная фройляйн, вы из какой части немецкого рейха? (нем.)

Оказалось, что даже у такого скользкого и не вызывающего доверия человека, как Блор, есть свои положительные черты.

Пока мисс Brent и Блор-Дэвис вели спор о политике, нахальный попутчик медленно произнес:

— Что же, рад познакомиться с вами, мисс Клейторн. Меня зовут Ломбард, Филипп Ломбард...

Ну да, еще один «негритенок», роль которого в советском фильме исполнял Александр Кайдановский. Только *этот* Ломбард был совершенно иной тип: с гривой темных волос и синими глазами.

— Очень рада. Вы по делам едете? — осведомилась Нина.

Ломбард, вина которого заключалась в том, что он во время экспедиции в Африке, когда что-то пошло наперекосяк, сбежал из буша, бросив на произвол судьбы пару десятков местных жителей, оставив их без запасов еды и, что важнее, воды, был явно опасным типом, который ни в грош не ставит человеческую жизнь.

И чертовски притягательным.

Ну нет, у нее есть муж — ее Женя.

И *только* ее.

Ломбард, наконец, отведя от нее взор, посмотрел на пейзаж, мелькавший за окном, и ответил:

— Да нет, по приглашению одного приятеля на остров, который теперь принадлежит ему...

Сердце Нины снова резко застучало. Так и есть, он едет на Негритянский остров — тот, которого *не было*.

— Могу ли я полюбопытствовать, на *какой*? — спросила Нина, на что Ломбард, усмехнувшись, ответил:

— Можете. Но только если и вы мне скажете, куда едете *вы*, миссис Клейторн.

Нина, улынувшись, бросила взгляд на мисс Brent, лицо которой во время политической баталии с Дэвисом-Блором пошло багровыми пятнами, заявила:

— Я тоже не миссис, а всего лишь *мисс*.

Хотя все это было враки: конечно же, она миссис, то есть замужняя женщина, потому что если штампа в паспорте о браке с Женей, *ее* Женей, и *только* ее, не было, она все равно являлась его женой.

А он — ее мужем.

Но не говорить же это Ломбарду, ведь тогда можно сразу выложить, что на остров его заманил судья, дабы покарать за смерть несчастных туземцев, и что эта вселенная — плод выдумки королевы детектива.

То ли Ариадны Оливер, то ли Агаты Кристи.

А она сама пришла из параллельной вселенной.

Ломбард, посмотрев на ее руку, промолвил:

— Мне показалось, что я увидел полоску от обручального кольца. Но, наверное, я ошибся...

Нина, быстро спрятав руки под сумочкой, ответила:

— Кольцо было, но не обручальное, а доставшееся в наследство от моей покойной матушки. Увы, не так давно мне пришлось его заложить. Поэтому я с радостью приняла предложение нового места на...

Она запнулась.

— ...у одной обеспеченной четы.

Кивнув, Ломбард ответил:

— Понимаю, мисс Клейторн. Что же, я еду не в Плимут, как, вероятно, вы, а до Оукбриджа, это одна из промежуточных станций. А оттуда до Стилкхэвена. А это уже самое побережье, и оттуда рукой подать до острова.

Нина закрыла глаза. Ну да, так и есть — он ехал туда! Как и мисс Brent, как и Блор-Дэвис.

Как и судья Уоргрейв.

Как и *она сама*.

— А на *какой*... остров? — спросила она, и Ломбард, снова усмехнувшись, ответил:

— На остров Альбатросов. Вы наверняка о нем читали в газетах.

Нина на мгновение прикрыла глаза, мысли ее напряженно работали. И так, сомнений быть не могло, в этой вселенной никто не слышал о Негритянском острове, зато тут имелся аналогичный ему *остров Альбатросов*.

Выходит, тогда это были никакие не «десять негритят», а «десять альбатросов»?

— Кажется, читала, но не могу точно сказать... — произнесла осторожно Нина, а Ломбард продекламировал:

— «*Десять альбатросов слетелись пообедать, один вдруг поперхнулся, и их осталось девять*». Что, неужели никогда не слышали? Это же каждый ребенок с детства знает!

Нина, поняв, что да, в этой вселенной никакие не *негритята*, а *альбатросы*, заявила:

— Вы забываете, что я выросла в другой стране.

Ломбард, снова пристально взглянув на нее, сказал:

— Да, вы правы, извините. Я как-то об этом не подумал. Так вы в Плимут?

В этот момент, *к счастью*, появился контролер, и Нина, воспользовавшись подвернувшейся возможностью, поднялась с жесткого сиденья, от которого у нее затекла спина, и вышла в тамбур.

Глядя в окно, за которым мелькали дома, деревья, мосты и машины, она задумалась. А затем вынула из сумочки письмо, которое было адресовано Вере Клейторн и которое Нина забрала у нее — потому что настоящая Вера Клейторн была мертва.

Кем-то *убита*.

Его содержание она знала наизусть, и теперь Нина понимала, отчего возникла путаница с названием острова. Верхняя часть письма, на которой значился адрес отправителя, а также запечатлены первые строчки послания, была залита водой из опрокинутого бокала: то ли самой Верой, то ли ее убийцей.

Поэтому-то она и не смогла прочесть название острова, который был не Негритянский, а Альбатросов.

«...рекомендовали нам вас как опытную и крайне ответственную няню, которая и необходима для нашего, увы, капризного малыша. Именно такая помощница, как Вы, нужна моей жене и мне, поэтому просим вас как можно скорее прибыть к нам на остров. Билет на восьмое августа на скорый на Плимут с Паддингтона в 12:40 прилагаю, как и пять однофунтовых купюр на текущие расходы. Искренне Ваш, Eu. R. Dudd».

...Нина отлично помнила: когда, покинув свой уютный особнячок с двумя львами перед входом, где располагалась букинистическая лавка «Книжный ковчег», которой заведовали она и Женя, и где в тайной комнате на втором этаже, между лестницей и кухней со старинными тикающими часами, имелась скрытая книжной полкой тайная комната, а за ней — дверь, ее дверь, темно-синяя, лакированная, с ручкой в виде разинутой пасти льва, ее литературный портал, она, начав свое новое путешествие,

миновав холодную тьму, вдруг вышла в узкой, грязной ванной комнате, в которой неприятно пахло хлоркой и шумел неисправный бачок унитаза.

Где именно она окажется, попав в новую литературную вселенную, Нина никогда заранее не знала, зачастую места оказывались самыми странными, и в этот раз она, похоже, вдруг очутилась в чьей-то квартире или, судя по всему, дешевом отеле, или пансионе.

Тут жила, судя по засаленному халату, нескольким расческам и паре поношенных дамских туфель, женщина.

Осмотревшись в ванной, Нина осторожно подошла к двери, которая вела в комнату, и прислушалась. До нее донеслись приглушенные звуки — там кто-то был.

Ну да, если она вдруг появится из чужой ванной, примерно как в стихотворении Маршака «Мойдодыр», то вызовет тем самым панику и привлечет к себе ненужное внимание.

Поэтому, склонившись к замочной скважине, Нина попыталась провести рекогносцировку на местности.

То, чему она стала невольной свидетельницей, навсегда врезалось ей в память. Она увидела, как облаченный в темный плащ и шляпу субъект, с большой долей вероятности, *мужчина*, ни лица, ни даже фигуры которого она увидеть не могла, взгромоздившись на стул, стоявший посреди комнаты, просовывает в петлю, что свешивалась с одинокого крюка с потолка, то ли находившуюся без сознания, то ли уже мертвую молодую женщину.

А затем этот некто проворно затягивает на шее несчастной узел и отпускает тело, которое с легким шелестом свешивается вниз.

Все происходило считанные доли секунды, так что Нина сначала не смогла поверить тому, что увидела. А когда поняла и осознала, то было поздно — несчастная уже качалась в петле, не выказывая ни малейших признаков жизни, а мужчина, проворно спрыгнув со стула, перевернул его и положил его женщине прямо под ноги, как будто это она сама встала на него и, сунув голову в петлю, оттолкнула.

Уже немного придя в себя от шока, Нина рванула на себя дверь ванной, желая ворваться в комнату, чтобы помочь несчастной, которую, быть может, можно было еще реанимировать, однако дверь не открывалась.

Пока Нина возилась с ручкой, убийца, сделав свое черное дело, уже покинул комнату через входную дверь. Бросив бесполезное занятие, Нина снова припала к замочной скважине и увидела, как он удаляется, осторожно закрывая за собой дверь затянутой в перчатку рукой. А при этом на другой руке, уже без перчатки, которую он только что стянул, девушка заметила перстень-печатку с перевернутой восьмеркой, математическим символом бесконечности.

Убийца исчез, а Нина, оглушенная увиденным, опустилась на пол. Похожий перстень с точно таким же знаком бесконечности она уже видела — у изворотливого убийцы во время своих *прошлых* литературных приключений.

Только тот убийца был, без сомнений, теперь мертв и *никак не мог* творить бесчинства в другой литературной вселенной.

А вот перстень с перевернутой восьмеркой, похоже, продолжал преследовать ее.

Нина снова рванула дверь на себя, и та наконец поддалась — оказалось, что ручку надо было повернуть, а не тянуть на себя. Она подбежала к повешенной женщине, поставила валявшийся на боку стул, вскарабкалась на него и попыталась вынуть несчастную из петли.

И тут заметила у нее лиловые кровоподтеки — шея несчастной была сломана, и она умерла еще до того, как тот, кто, вероятно, задушил ее, засунул ее голову в петлю, создавая видимость самоубийства.

Понимая, что вынуть жертву из петли не получится, Нина прыгнула со стула и бросилась к секретеру, на котором валялись вперемежку бумаги. Она искала нож или ножницы, однако ей попались только маникюрные ножнички, которые были абсолютно бесполезны.

Взгляд Нины при этом упал на бювар, на котором в лужице воды из опрокинутого бокала лежали явно недавно распечатанное письмо, а также железнодорожный билет и пять однофунтовых купюр. Пробежав письмо глазами, Нина задумалась, а потом отыскала в корзине для бумаг надорванный конверт, на котором красовался лейбл лондонского агентства по найму персонала и было напечатано: «*До востребования мисс Вере Клейторн, Сент-Олбанс, Хартфордшир*». Имелось и краткое

послание от этого самого агентства, которое извещало мисс Клейторн о том, что ее услугами заинтересовалась чета *крайне перспективных* клиентов и что ей пересылаются их приглашение, а также сопровождающие документы и деньги.

Конверт аккуратно спланировал на пол, потому что Нина выронила его от осознания того, что повешенная женщина была Вера Клейторн, десятый «негритенок». Да, ее жизнь, по задумке Агаты Кристи, действительно должна была завершиться в петле: на Негритянском острове, после смерти всех прочих жертв.

И после того как Вера застрелила Ломбарда, полагая, что преступник — это он, не ведая, что якобы убитый ранее судья Уоргрейв на самом деле жив и только инсценировал свою кончину, дабы, выйдя из игры и считаясь трупом, иметь возможность беспрепятственно перемещаться по особняку и совершать очередные убийства.

Однако в литературной вселенной Вера умерла не в самом финале визита на Негритянский остров, а еще до поездки туда.

План последующих действий созрел за считанные мгновения. Веру уже спасти было нельзя, ее убийца ушел, и отыскать его представлялось делом безнадежным. Кроме того, что это был мужчина с перстнем-печаткой со знаком математической бесконечности, Нина о нем ровным счетом ничего не знала.

Абсолютно ничего.

А вот некто, подписавшийся как *Eu. R. Dudd*, приглашал Веру Клейторн к себе на остров и даже прилагал билет и пять фунтов на текущие расходы.

Какой, однако, добрый и щедрый убийца!

Воскресить Веру было нельзя, хотя, если хорошенько подумать, очень даже *можно*: Нина поняла, что займет место Веры Клейторн, отправившись на остров по приглашению.

Никакое семейство с избалованным малышом ждать ее там не будет, это все ловушка, поэтому разоблачения опасаться не стоило.

А убийца, который поймет, что она не настоящая Вера Клейторн, вряд ли заявит претензии.

Если *вообще* поймет.

Конечно, не исключено, что он попытается убить ее, но дело в том, что он и так звал всех на остров, чтобы уничтожить *их всех*. Она будет начеку с самого начала, и ее преимущество в том, что она знает, кто убийца.

Или все же *нет*?

Тем более по задумке судьи, который *должен* был оказаться убийцей, уничтожившим «негритят», Вера Клейторн, вина которой представлялась ему отчего-то наиболее тяжелой, должна была погибнуть последней. Ну, или *предпоследней*, если бы не она застрелила Ломбарда, оказавшись проворнее, а он ее.

В любом случае убийца, действовавший по своим педантичным маньяческим представлениям, в массе своей весьма и весьма строгим и спонтанных отклонений схемы и внезапной отсебятины не предусматривавшим, и, что важнее всего, в соответствии со считалочкой, должен был оставить ее на закуску, а не ликвидировать сразу.

Даже если и осознает, что она фальшивая Вера.

Во всяком случае, Нине *хотелось* так думать.

Очень хотелось.

Тем более что она за этим и прибыла сюда — выяснить правду. Однако от этой мысли Нине стало тогда страшновато.

Среди вещей покойной Веры Клейторн она нашла немного денег, брать которые, однако, не стала (благо, что при подготовке к каждому литературному вояжу она заранее подбирала гардероб соответствующей эпохи, а также знакомилась с тогдашними обычаями, нравами и модами), а вот паспорт несчастной, которая мертвым грузом свисала с крюка в потолке, прихватила.

Он ей больше *явно* не понадобится.

С Верой Клейторн, которая ничуть не походила на Татьяну Друбич, Нина сходства не имела, однако, уже имея опыт в подобного рода делах, ногтем осторожно подцепила черно-белую фотографию Веры на паспорте и аккуратно отклеила ее.

На пустое место она, посетив фотографический салон, прикрепит свою собственную.

В чемодане несчастной Нина между страниц романа Ариадны Оливер «The Z.Y.X. Murders» обнаружила также пачку перевязанных лиловой ленточкой писем, про-

смотрев которые покраснела и отложила их в сторону. Это были любовные эпистолы той, что свисала с потолка. Вера строчила в свое время полные любви послания некому Хьюго Хэмилтону, тот отвечал ей в подобном же тоне — до той поры, пока Клейторн не убила его племянника.

Того самого, который стоял между Хьюго и наследством с дворянским титулом.

Последнее послание от Хьюго, датированное 19 сентября позапрошлого (по местным меркам) 1934 года, было крайне сухое, извещавшее ее, что *ничего общего* с ней он иметь более не намерен, отсылает ей обратно все ее послания и больше не любит ее, а только ненавидит.

Хотя, судя по эмоциональности пусть и короткого, но емкого послания, мужчина определенно продолжал испытывать к Вере чувства.

Понимая, что эти послания или окажутся в руках полиции и коронера, который будет вести дело о кончине Веры, или, что хуже, попадут к хозяину этой сомнительной гостиницы или пансиона, который наверняка сначала перероеет весь незамысловатый скарб покойной, прежде чем известить власти, Нина решила, что заберет письма с собой.

Потому что, как и паспорт, Вере, свисающей с потолка, они больше уже не понадобятся.

В чемодане Нина наткнулась на стопку детских вещей, но разве у Веры Клейторн *были* дети? Пока она размышляла над этим вопросом, в дверь комнаты вдруг постучали.

Нина, потерявшая счет времени, замерла.

— Мисс, завтрак заканчивается через четверть часа! — услышала она громкий женский голос.

Нина, прижав ко рту ладонь, произнесла:

— Благодарю вас, но мне нездоровится. Я завтракать не буду.

Она надеялась, что ее акцента не заметили или не обратили на него внимания, потому что настоящая Вера Клейторн говорила на английском, конечно же, без оного.

Нина пролистала роман королевы детектива *этой* литературной вселенной, под обложкой которого она обнаружила любовные письма. Это была здешняя версия отлично знакомого ей романа Агаты Кристи «The

А.В.С. Murders», который на русском назывался «Убийства в алфавитном порядке» — одно из ее любимых произведений.

А здесь это были «Убийства в *обратном* алфавитном порядке».

Наконец, там же, в чемодане, под стопкой детских вещей, она обнаружила набор ножниц.

Обведя взором комнату Веры, Нина поняла, что делать ей здесь больше нечего.

Хотя нет, *есть* еще кое-что.

Взяв самые массивные ножницы, Нина снова взгромодилась на стул и, стараясь не смотреть в распухшее лицо покойницы, попыталась перерезать веревку.

Конечно, она могла просто так удалиться, прихватив и паспорт, и приглашение, и билет, и даже любовные послания, но ей было жаль Веру Клейторн, место которой она намеревалась занять.

Пусть она и была преступницей и *даже* убийцей ребенка, но она же совершила это из-за любви. Впрочем, это ее не оправдывало.

Но и оставить Веру свисать с потолка, хотя поступить именно так и было бы наиболее разумно, Нина не могла.

Просто *не* могла.

Поэтому она намеревалась снять ее с крюка и уложить хотя бы на кровать. И накрыть одеялом, ведь Вера была в исподнем, а если ее обнаружат в петле, то комната, заполненная любопытными мужчинами, превратится в посмертное судилище.

Вернее, выставку смерти, экспонатом которого будет Вера.

Однако разрезать веревку даже большими ножницами оказался проблематично, и Нина, понимая, что придется оставить все как есть, вздохнула. Похоже, надо было просто уносить ноги.

Едва она так подумала, как дверь номера, убийцей только *прикрытая*, вдруг внезапно распахнулась, и Нина увидела молодую румяную полноватую девицу в форме горничной, которая держала в руках стопку полотенец и наволочек.

— Ой, мисс, извините, я думала, что вы на завтраке, вы ведь всегда в это время обычно... — начала она, глядя с порога на смятую кровать.

А потом, переведя взор чуть в сторону, увидела неприглядную картину: Веру Клейторн с распухшим лиловым лицом и вывалившимся языком, в одном исподнем, свисающую с потолка, и Нину, балансирующую рядом с ней на стуле, с большими ножницами в руке.

Горничная дико завопила, да так, что уши у Нины сразу заложило. Крик был такой, что *мертвого разбудишь* — однако Вера продолжала свисать с потолка не шевелясь.

Понимая, что ситуация дурацкая, к тому же очень опасная, Нина, прыгнув со стула, приблизилась к горничной, желая ее успокоить.

— Вы не так все поняли, я подруга мисс Клейторн, я пришла к ней и обнаружила ее, поэтому решила снять...

Горничная, на мгновение замолчав, уставилась на нее, и Нина ободряюще ей улыбнулась.

А затем взгляд горничной переместился на большие ножницы, которые Нина держала в руке, и девушка, бросив чистые полотенца и наволочки на пол, снова заверещала, причем сильнее, чем в первый раз, что с точки зрения законов физики было *практически невозможно*, и, повернувшись, метнулась прочь.

Понимая, что встречаться с полицией в ее планы *никак* не входит, Нина, быстро схватив одну из чистых наволочек, засунула туда все, чем успела поживиться в номере покойной Веры Клейторн, а затем вышла в коридор.

Двери соседних номеров открылись, показались пухлый господин в подтяжках и с пеной в пол-лица, пожилая сгорбленная дама в больших очках, анемичная дама в лимонно-желтом пеньюаре с янтарным мундштуком, в котором сизыми кольцами дымилась длинная сигарета, и молодой темнокожий мужчина — тот выглянул из-за плеча женщины с мундштуком.

— Крысу увидела, — произнесла Нина, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно спокойнее и убедительнее. — Из водостока вылезла.

Дама в пеньюаре, хмыкнув, заявила, что вопли такие, как будто *Джек-потрошитель* вернулся и снова принялся за работу, захлопнула дверь, увлекаемая своим спутником. Мужчина в подтяжках, заявив, что в этом клоповнике водятся *не только* крысы, последовал ее примеру, а пожилая леди дребезжащим голосом заметила:

— Но вы ведь не мисс Клейторн, так ведь?

Нину так и подмывало спросить, как зовут соседку, уж не *мисс ли Марпл*, однако времени на подобные светские беседы в коридоре третьесортного пансиона в Сент-Олбансе, графстве Хартфордшир, у нее не было.

Ничего не отвечая, Нина осмотрелась и не рискнула идти к центральной лестнице, куда и убежала застукавшая ее с телом Веры горничная.

Но в противоположном конце коридора имелась *другая* лестница, погрязнее и потемнее, видимо, для персонала, к ней-то Нина и направилась.

Вдогонку ей донеслось:

— Но если вы не мисс Клейторн, то почему выходите из ее номера, мисс? И вообще, вы тут не живете! Я здесь обитаю уже шестой год и знаю всех постояльцев наперечет. Мисс, вы кто?

Вопрос был резонный — действительно, *кто?* Была Нина Арбенина, а потом превратилась, хотя бы и неофициально, в Нину Дорн, а теперь, выходило, сделалась Верой Клейторн.

Убедившись, что на лестнице никого нет, Нина принялась спускаться вниз.

— Мисс, я вас запомнила! У меня хоть и плохое зрение, но отличные очки. Вы откуда, мисс?

Этот вопрос был еще интереснее, чем предыдущий. Если быть точной, то из ванной комнаты. А если еще точнее: *из параллельного мира*.

Но скажи она это пожилой леди, та бы вряд ли ей поверила. Как вряд ли бы поверили этому занимательному факту полиция, коронер и судья, перед которым она бы оказалась за убийство Веры Клейторн: ведь горничная застучала ее с поличным.

И какой-нибудь местный Уоргрейв без зазрения совести приговорил бы ее к виселице — ведь вздергивали на ней в Британии до семидесятых, кажется, годов.

— Мисс, почему вы не отвечаете? Я с вами разговариваю!

Спустившись на первый этаж, Нина, слыша возбужденные голоса и топот, подождала пару минут, которые показались ей часами, а затем двинулась вперед по не менее грязному и темному коридорчику, который вел куда-то на свет.

Она попала в небольшой, обставленный претенциозно и крайне безвкусно, холл этого пансиона. Выглянув из-за угла, она увидела, как через распахнутую дверь в холл шагнул бравый полицейский, которого пузатый и усатый мужчина тотчас препроводил по центральной лестнице наверх.

Выждав еще несколько мгновений, Нина поспешно двинулась из темного коридорчика к входной двери.

На ее счастье, никого в холле не было — наверняка все сбежались в комнату Веры, чем Нина и могла воспользоваться, дабы дать деру.

Она заметила сиротливо лежащую на конторке книжку в мягком переплете, перевернутую обложкой вверх: очередной роман Ариадны Оливер.

Ну да, в мирах по романам Агаты Кристи читали произведения Ариадны Оливер: смычка по литературной «кротовой норе» обеих вселенных. На мгновение задержавшись, Нина полюбопытствовала, какой же роман на *этот* раз.

Ага, «Убийственный бридж» — наверняка здешняя версия романа «Карты на стол», в котором расследуется убийство во время покерной партии и преступником является один из четырех игроков. Своего рода прообраз «Десяти негритят»: убийство в закрытом помещении, совершенное одним из небольшого количества подозреваемых.

Причем каждый из этих подозреваемых был *убийцей*, и созвавший их на званый вечер хозяин дома, эксцентричный миллионер, наслаждался тем, что, зная об их оставшихся без наказания со стороны закона преступлениях, демонстрировал подозреваемым свою над ними власть.

Неудивительно, что один из убийц опять прибег к оправдавшему свою действенность методу и нанес новый удар — кинжалом в горло шантажиста.

Не такой ею любимый, как «Убийства в алфавитном порядке», но, как считала Нина, вполне крепкий и увлекательный детективный роман, с типичными для Агаты Кристи поворотами сюжета, где до самого конца непонятно, кто же главный злодей.

Кстати, так *кто* там оказался в итоге убийцей?

Все эти мысли промелькнули у Нины в голове в те доли секунды, которые потребовались ей, чтобы, вывернув из входной двери пансиона, оказаться на достаточно шумной, типично британской улице.

Она помнила, что, судя по конверту от фирмы по найму персонала, находилась в городке Сент-Олбансе в графстве Хартфордшир.

Занятно, что здесь, как она помнила, родился детский писатель из ее мира, Майкл Морпурго, автор «Маленького альбатроса». Знала бы, что сюда попадет, изучила бы топографию подробнее.

Заметив бегущих по направлению к ним трех полицейских в своих смешных объемных шлемах, Нина внутренне напряглась, а затем, понимая, что, хоть и облаченная по моде тридцатых (в отличие от своего первого *литературного* вояжа, когда она попала в «Братьях Карамазовых» в современной одежде, чем ввела в смущение и даже в *искушение* провинциального попики, попавшего ей на пути), но с наволочкой в руке, к тому же забитой невесть чем, девушка, спрятав ношу за спину и попытавшись изобразить как можно достовернее на лице ужас, провозгласила, указывая другой рукой в сторону входа в пансионат:

— Джентльмены, сюда! О, это ужас, просто *настоящий* ужас! Мне надо глотнуть свежего воздуха, иначе сознание потеряю!

Один из полицейских даже поблагодарил ее, явно приняв за постоялицу пансиона («Спасибо, мээм»), а другой на ходу спросил, где произошло *убийство*, и Нина охотно поведала, что на втором этаже («Вам нужна медицинская помощь, мээм?»).

Проводив взглядом вежливых британских полицейских, которые наверняка стали бы не столь любезными, если бы узнали, что главная подозреваемая находится у них перед носом, Нина, минуя большой указатель «*К могиле Фрэнсиса Бэкона в церкви Святого Михаила*», быстро зашагала прочь.

Философ Бэкон похоронен *здесь*? Какая, по сути, разница *где*, самое важное сейчас: сориентироваться, попасть на вокзал и оттуда уехать в Лондон, потому что легче всего затеряться именно в столице.

— Вам нужна медицинская помощь, мэм? — услышала Нина вопрос и, вздрогнув, стряхнула с себя накапившие воспоминания последних дней.

Перед ней стоял один из проводников, к счастью, не тот, который читал ей нотации.

— Нет, нет, все хорошо. Все в *полном* порядке.

Проводник, тотчас потеряв к ней интерес, прошел мимо, а Нина посмотрела на пустой коридор. Если двинуться по нему и миновать второй класс, то она окажется в первом, где едет судья Уоргрейв.

Тот самый, который и пригласил своих жертв на Негритянский остров. Да нет же, как она теперь узнала: на остров Альбатросов.

Но почему, *собственно*, альбатросов?

Наверное, потому что в этой литературной вселенной в ходу считалочка не о десяти негритях, а, как она поняла теперь, об альбатросах.

Как там продекламировал этот темноволосый синеглазый нахальный Ломбард, который так тарачился на нее, будто хотел проглотить живьем, и которого Вера Клейторн должна на острове застрелить?

«Десять альбатросов слетелись пообедать, один вдруг поперхнулся, и их осталось девять».

Ну да, вот и очередное отличие литературной вселенной от самого романа: однажды сочинив его, автор больше не имел власти над выдуманым им миром, который развивался по своим собственным, неведь откуда взявшимся законам.

Но какие-то параллели прослеживались. Вере Клейторн не довелось отправиться на... *остров Альбатросов*, вместо этого она стала жертвой убийства, оказавшись в петле.

И это был своего рода отголосок судьбы Веры Клейторн из романа Агаты Кристи — там она тоже стала жертвой пусть и не убийства, но хитроумного и беспощадного преступника, который своими действиями довел ее до самоубийства.

Того самого, который сейчас, упиваясь своим интеллектом и наслаждаясь мыслями о предстоящей кровавой оргии, ехал в первом классе. Почитывая при этом роман Ариадны Оливер «Peril At Horse House». Тот са-

мый, который в мире Нины написан Агатой Кристи и называется «Peril At End House».

Он наверняка бы убил Веру, если бы она не стала вешаться, а что было бы логичнее и практичнее, просто стала ждать помощи с материка, которая рано или поздно пришла бы.

Сама Нина так и поступила бы, да и с пожилым судьей, неизлечимо больным раком и находящимся не в лучшей физической форме, она бы в итоге справилась, тем более, в отличие от Веры, уже знала, кто на острове уничтожает одного «негритенка» за другим.

Ну, или, пользуясь реалиями этой литературной вселенной, одного *альбатроса* за другим.

И альбатросы, сменившие негрятят, были вовсе не данью политкорректности, о которой в Британской империи года 1936-го никто и слышать не слыхивал, а просто тамошней топографической данностью.

Был остров Альбатросов, и *все* тут.

Мысли Нины вновь вернулись к судье Уоргрейву, который, как она представляла себе, в данный момент читал приобретенный в книжной лавке Паддингтонского вокзала роман Агаты Кристи «Загадка Хорс-хауса», являющийся местным вариантом «Загадки Энд-хауса».

Этот роман был очень даже неплох, хотя в нем Кристи впервые использовала криминально-литературный трюк, к которому позднее прибегала неоднократно: убийцей оказалась та, на которую якобы совершались ею же самой инсценированные покушения.

Ну да, подобное было потом, правда, десятилетия спустя, и в «Объявлено убийство», и в «Зеркало треснуло». Интересно, что убийцами, которые на первый взгляд являлись жертвами, во всех трех романах являлись женщины.

Почему Агата была так пристрастна к слабому полу и снисходительна к сильному? Как будто мужчины не могут прикидываться жертвами и инсценировать покушения на себя.

Как Нина уже успела заметить (а прибыв тогда без приключений в Лондон, благо что Сент-Олбанс располагался недалеко от него и поезда ходили бесперебойно, она если не первым, так *вторым* делом отправилась в самый большой книжный магазин), все романы Агаты

Кристи в этом литературном мире были написаны Ариадной Оливер и носили иные, хоть часто похожие, названия.

По опыту предыдущих вояжей Нина знала, что это своего рода подсказка. Потому как она сама угодила в детектив, причем, вероятно, в такой, где, несмотря на то что убийца известен изначально, все было *далеко не так*, как на страницах книги.

Потому что если кто ей и мог помочь, так это создательница детективных литературных миров, частью одного из которых она, наверняка этого не подозревая, сама и являлась. Но Агату Кристи в этом мире никто не знал, а вот как обстояли дела с ее местным литературно-криминальным клоном Ариадной Оливер? Агата Кристи, как Нина знала, жила в Девоне, отлично зная те края, поэтому могла живописать их в той же самой «Загадке Энд-хауса» и «Десяти негритятах», действие которых и разворачивалось именно там.

Как и в некоторых других романах, к 1936 году *еще* не написанных.

А любительница яблок и эксцентричных причесок миссис Оливер, кажется, постоянно обитала в Лондоне.

Нина обратилась в издательство «Collins Crime Club», которое имелось *и тут*, а в ее мире издавало все романы королевы детектива, и, представившись немецкой журналисткой Ниной Дорн, осведомилась о возможности взять интервью у миссис Оливер.

Но оказалось, что миссис Оливер жила не в Лондоне и даже не в Девоне, где у нее *в самом деле* было поместье, а вообще вне пределов Британии — в целях сбора материала для новых романов она два месяца тому назад укатила в Японию.

Далековато.

Поэтому пришлось действовать своими силами, но к этому Нина привыкла. И тогда она отправилась на поиски судьи Лоренса Уоргрейва, который уж точно к тому времени должен был сидеть в Лондоне.

Так и оказалось, и Нина два дня следила за ним, а потом наступило восьмое августа.

8.8. Нину как током ударило — две восьмерки, знаки математической бесконечности: одна в ее мире, а другая в *здешнем*.

Как и перевернутая восьмерка на перстне убийцы Веры Клейторн.

Впрочем, Верой Клейторн была теперь она сама.

— Мисс Клейторн! — донеслось до нее, и Нина увидела Филиппа Ломбарда, также вышедшего в коридор.

Только вот его ей еще не хватало! А может, в самом деле *не* хватало?

Ну нет, не нужен ей никакой синеглазый Филипп, у нее есть *ее* Женя, и только *ее*, такой теплый, уютный и в пенсне.

— Вы курите? — спросил Ломбард, протягивая ей портсигар, Нина отрицательно качнула головой.

— Это вагон для некурящих, мистер Ломбард, — сказала она, и тот, чиркнув зажигалкой и затаившись, усмехнулся.

— Ну, пусть меня оштрафуют, я могу себе это позволить.

Если может, то отчего едет третьим классом?

— Вам не кажется, что мы раньше с вами встречались, мисс Клейторн? — произнес он, и Нина едва сдержала вздох. Ну да, провинциальный нахал клеится к бабышне в поезде.

Причем незамысловатым способом.

Крайне незамысловатым.

— Не кажется, — отрезала она, желая одного: чтобы этот сердцеед, выбравший ее в жертвы, оставил ее наконец в покое.

— А вот я отчего-то уверен, что да, — заметил он, пуская дым через ноздри и походя при этом на дракона в человеческом обличье.

Но бывают ли синеглазые драконы?

— А я вот уверена, что мы с вами увиделись в первый раз в жизни в вагоне только что! — воскликнула девушка, и тут на ее счастье появился проводник, который тотчас обратился к Ломбарду, указав ему на то, что курить в этом вагоне нельзя.

Воспользовавшись заминкой, Нина приняла решение и двинулась вперед по коридору, чуть шатаясь от вагонной тряски. Миновав второй класс, она оказалась наконец в первом.

Шторки на стеклянных дверях некоторых купе первого класса были задернуты, однако в том, которое ей требовалось, к счастью, нет.

Его честь судья Уоргрейв, сидя в купе на кожаном сиденье один, спал — голова свалилась на грудь, губы подрагивали.

Нина, обернувшись и убедившись, что никого ни с одной, ни с другой стороны нет, дернула дверную ручку.

Дверь, как и полагается оной в купе первого класса, отъехала без малейшего шума, и Нина, прикрыв ее за собой, быстро задернула шторку с одной стороны, чтобы не было видно, чем она занимается.

Ее взгляд был прикован к уже знакомому ей саквяжу, стоявшему на сиденье напротив того, на котором полулежал судья, на коленях которого покоился роман Ариадны Оливер «Peril At Horse House». Убедившись, что Уоргрейв, посапывая, крепко спит, Нина с бьющимся сердцем приблизилась к саквяжу и распахнула его.

Ей были нужны бутылочка из крепкого стекла особой формы, пачка сургуча и портативная пишущая машинка.

Джентльменский набор серийного убийцы.

Потому что если она их не найдет, то это будет плохо. Или, наоборот, *хорошо*?

Нина и сама этого *не* знала.

Комплект нижнего мужского белья. Это ее уж *точно* не интересовало. Темно-красная кожаная папка с газетными вырезками о каком-то пилоте и его самолете — ну, это к делу отношения не имеет. Небольшая фарфоровая коробочка, в которой, как оказалась, покоилась бритва. Ну, это тоже, хотя бритва опасная — такой можно запросто перерезать горло.

Но в «Десяти негритях» никому из жертв горло не перерезали. Одному несчастному, правда, разрубили затылок топором, но такого инструмента в саквяже явно не было.

Но это в «Десяти негритях», а как обстояли дела с «Десятью альбатросами»?

Еще одна коробочка, на этот раз металлическая. Теперь кое-что поинтереснее: шприц.

Мисс Brent, ее соседке по третьему классу, старой (ну ладно, *не такой уж*, но все же) ханже и поклоннице

фашистских идей, впрыснули цианид именно шприцом. Правда, украденным у доктора, который должен был по роду службы возить с собой таковой, но в этот раз свой собственный шприц у судьи *также* имелся.

В романе он был умирающим от рака юристом на пенсии, который, понимая, что вот-вот отдаст концы, решил осуществить свою давнишнюю мечту.

И совершить идеальное убийство, причем не одно, а целых *десять*.

Нина помнила, что в романе судья, который на острове только разыграл свою смерть, то есть прикончил или довел до смерти *всего лишь* девять человек, не мог отказать себе в удовольствии убить все же именно десятерых, и поэтому в качестве последнего «негритенка» убрал с дороги некоего Морриса, *крайне* сомнительного субъекта, который, помимо прочего, помог ему приобрести на подставное имя остров, а до этого промышлял наркотиками и пристрастил к ним дочь друзей судьи, которая от этого умерла, то есть он также подходил на роль жертвы.

И еще до того как отбыть на остров, дабы прикончить там девять человек, добрый судья, зная, как Моррис трепетно относится к своему здоровью (как и целая куча злодеев и убийц), вручил ему желатиновую капсулу, нашпигованную снотворным в убойной дозе, и сообщил, что это новейшее средство для улучшения пищеварения.

И первый «негритенок» скончался во сне, пусть и не по считалочке, еще до открытия сезона охоты на острове.

Третьим делом (после визита в самый большой книжный магазин Британской империи тех лет и неудачной попытки пообщаться с королевой детектива) Нина, используя самый надежный стимул для получения сведений от лиц полукриминального и криминального толка — шуршащие банкноты крупного номинала с портретом покойного короля (с изображением нового, который как раз переживал упоительный роман с миссис Симпсон, отпечатать еще не успели, а потом это стало неактуально по причине скорого отречения его величества от престола), которые она предусмотрительно и в большом количестве прихватила с собой из своего мира, готовясь к литературному вояжу, сумела разыскать этого самого

Морриса, которого, правда, в отличие от романа звали не Айзек, а Альфред, но это точно был он.

Сведений от этого тертого калача она уж точно не получила бы, да и слушать ее он не стал бы, а кто знает, еще и убил бы или наслал на нее своих дружков, но Нина все же попыталась спасти жизнь этому крайне неприятному и насквозь порочному типу.

Приватный разговор ни к чему хорошему, в особенности для нее самой, не привел бы, поэтому она написала и засунула ему в почтовый ящик его офиса на *Бейкер-стрит* (правда, не 221b) анонимное послание.

Трюк простой, но *крайне* эффективный.

«Если вам дорога жизнь, уважаемый сэръ, не принимайте чудодейственную желатиновую капсулу, которую даст вам судья Уоргрейв».

Кратко и со вкусом. И без всякой подписи — это должно было только усилить воздействие.

Если он после этого примет «лекарство», то сам виноват — Нина сделала все, что могла, и искренне надеялась, что тем самым спасла первого или, если уж быть точной, десятого «негритенка».

Ну, или, выходило, *альбатроса*.

А потом... Пришло время отправиться на Паддингтонский вокзал, дабы сесть в вагон третьего класса по билету, заботливо купленному и присланному ей судьей Уоргрейвом, что она и сделала.

Пусть едва и не опоздав на поезд — по его вине. Ну, и отчасти из-за королевы детектива, выбором романов которой в книжной лавке судья был так увлечен.

...Итак, шприц. Сам по себе он ни о чем не свидетельствовал. Без яда он не являлся таким уж страшным оружием, хотя иглой можно было засадить, скажем, в глаз — мало не покажется. Ну, или ввести кому-то воздух в артерию, тоже будет не очень весело.

Ей требовалась какая-то склянка или шкатулка, в которой судья вез с собой яд. По роману он начал с того, что отравил сразу за ужином Тони Марстона (которого в советском триллере играл Александр Абдулов), всучил такую же, как и Моррису, капсулу с убойной дозой снотворного миссис Роджерс, горничной, а потом впрыснул раствор цианида в шею мисс Брент, старой (или *не очень*) ханже и поклоннице фашизма.

Запасов у него должно быть немало.

Погрузив руки на дно саквояжа, Нина что-то нащупала — и в самом деле извлекла плоскую стальную коробку с шершавой поверхностью. А что, если, пока судья дрыхнет, явно усыпленный содержанием романа Ариадны Оливер «Загадка Хорс-хауса», высыпать все его токсичные запасы в туалет?

Что он будет делать тогда, когда прибудет на остров?

Мысль была гениальная, и Нина подумала, что лучше всего заменить цианид сахаром или солью — *вот ведь будет потеха!*

Она открыла коробочку, но вместо ампул или конвентиков с ядом узрела там *вставную челюсть*.

— Мисс, позвольте полюбопытствовать, отчего вы копошитесь в моем саквояже? — раздался у нее за спиной уже знакомый неприятный голос судьи. — Если вы ищите там что-то определенное, то не проще ли спросить меня?

...И почему она вообще решила отправиться в «Десять негритят»? Не решила — ее *послали*. После всех пертурбаций в «Убийстве Роджера Экройда» и «Собаке Баскервилей» и снятия подозрений как с нее и, что важнее, с ее Жени Нина через некоторое время имела долгий разговор с главной литературной *дементоршей*, облаченной во все черное неулыбчивой особой, навевавшей ужас и возглавлявшей целую силовую структуру, в задачу которой входило контролировать перемещения через литературные порталы.

Один из которых и находился в доме Нины, на втором этаже ее «Книжного ковчега».

Именно там и проходил этот разговор — обычно в таких случаях литературная дementорша вызывала провинившихся к себе на ковер, и некоторых, по неподтвержденным слухам, потом никогда больше не видели.

Нет, их не убивали, просто насильно отправляли через свой портал в какую-то из не самых уютных литературных вселенных — *без возможности вернуться*.

Нина всегда думала о подобном с суеверным страхом. Одно дело попасть в криминальный роман, по которому бродит убийца. И совсем другое — очутиться в романе Стивена Кинга в городке, населенном вампирами,

в канализации, где обитает веселый клоун Пеннивайз, или во дворе с бешеным сенбернаром, готовым разорвать тебе горло.

А ведь есть и *совсем* другие литературные миры — и пострашнее, и покровавее, и побезнадежнее.

Но так как коллизия разрешилась *благополучно*, и дементорша, вероятно, сама получила по шапке от своего еще более грозного литературного начальства, то она заявила к ним в особняк с двумя гипсовыми львами у входа и букинистическим магазинчиком «Книжный ковчег» на первом этаже, правда, в сопровождении уже известных Нине молчаливых молодых мужчин в темных костюмах на веренице черных джипов.

И с огромным тортом «Птичье молоко».

Не оставалось ничего иного, как радушно поблагодарить незваную гостью (хотя *званую* — визит был заранее согласован, вернее, *объявлен*), проводить ее без свиты на второй этаж, где была их кухня, недавно разгромленная этой самой свитой и теперь еще не до конца приведенная в порядок.

Поставив чайник, Нина лихорадочно размышляла, как поддержать разговор с литературной дементоршей, тем более она была с ней один на один: Жене принять участие в этих дамских посиделках с «Птичьим молоком» было строго воспрещено и даже было рекомендовано любезно, но крайне настойчиво покинуть на два часа дом, прогуляться в близлежащем парке, *подышать свежим воздухом*.

Большие старинные часы на стене кухни отсчитывали ритм: *тик-так, тик-так, тик-так*.

Молчание у нее за спиной затянулось, и Нина, не выдержав, выпалила:

— Скажите, а отчего вы все всегда в черном и в темных очках, даже в помещении?

Дементорша, впервые немного ослабившись, что походило на жуткую улыбку, сняла свои черные очки, и Нина отметила, что она, в сущности, миловидная, хотя и явно надменная молодая женщина.

— Для острастки. Если бы на мне был розовый минитоп с аппликациями, а мои ребята щеголяли в бермудах, вряд ли бы вы так напряглись, как сейчас, Нина Петровна.

Ставя перед ней большую кружку, Нина заметила:
— Понимаю, своего рода униформа. Но ведь вас в самом деле боятся.

Дементорша, взяв нож (отчего Нина на мгновение затаила дыхание) и разрезая торт, заявила:

— Так и должно быть. Мы же не цирковые клоуны, чтобы нас любили. Давайте тарелку!

Это была не просьба и не вопрос — приказание.

Безропотно подав тарелку дементорше, имени которой она *не* знала, но с которой чаевничала, Нина пронесла:

— Ну, если вы такие клоуны, как небезызвестный стивенкинговский Пеннивайз, то вас любить не за что.

Облизывая испачканный кремом большой палец, дементорша ответила:

— Да, соглашусь, парниша он далеко не самый приятный, что правда, то правда. И жутко живучий, как его ни уничтожай!

Уставившись на нее, Нина спросила:

— А вы что, с ним... *встречались?*

Дементорша, вздохнув, сказала:

— У вас чайник кипит.

Нина поняла: *встречалась*. Вот это да! И то, что встречалась, и то, что осталась живой после этого randevu. Потому что обычно никто после такой встречи не выживал, если Пеннивайз этого не хотел.

Нина даже прониклась уважением к дементорше, которую до сей поры считала никчемной, беспричинно самоуверенной, ничего в литературных вояжах не понимающей садисткой в сопровождении опереточных «людей в черном», задачей которых было наводить на всех страх и ужас и мешать другим работать и пользоваться литературным порталом.

Какое-то время они, попивая чай и смакуя торт, болтали о пустяках, причем уже без напряжения, которое вдруг улетучилось (*слава Пеннивайзу!*), а затем дементорша спросила в лоб:

— Вы опус нашего французского друга прочитали?

Кивнув, Нина вышла из кухни и вернулась, держа в руках книжицу, название которой гласило: «*Все, что вы должны знать и что от вас упорно скрывали: Кто на са-*

мом деле убил „Десять негрят“ — вся правда и даже немного больше».

Это было очередное разоблачение парижского профессора, который почти ежегодно выдавал на-гора популярные не только среди литературоведов, но и у обычной публики занимательно написанные работы, цель которых сводилась к тому, чтобы, взяв известное произведение мировой литературы, вдруг доказать, что *на самом деле* все было *далеко не так*.

Он занимался примерно тем же, чем и сама Нина, однако в отличие от нее не был хранителем портала и не имел доступа к таковому, однако все равно, получая сведения от информаторов, рассказывал всему миру о *реальных* событиях в том или ином произведении — *реальных* не в романе автора, а в соответствующей литературной вселенной.

Женю, ее Женю, подозревали ни много ни мало в том, что именно он является отлично законспирированным информатором профессора, и кто-то упорно пытался создать впечатление, что так и есть.

Того, кто валил вину на Женю, ее Женю, и сам был тем информатором, Нина во время своих головокружительных приключений смогла вычислить и обезвредить, причем *навсегда*, и при этом не прибегая ни к каким силовым приемам, однако французский профессор вышел сухим из воды и, отъехав из Парижа на лечение, был пока что недоступен ни для кого, в том числе и для французских литературных дементоров.

Но до отъезда он сумел-таки выпустить новый опус, в котором рассказывал о том, что на самом деле произошло на острове и кто убил всех «негрят».

Ибо, как заявлял парижский литературовед, убийцей был вовсе не старый судья Уоргрейв, а *совсем* другой человек.

Тик-так, тик-так, тик-так.

— И что скажете? — спросила дементорша, и Нина пожалала плечами.

— Ну, понимаете, это не ново. Наш парижский друг, как вы его изволите величать, доказывает, подтверждая это цитатами из романа Агаты Кристи, что убийца не судья, а старая дева мисс Brent. И что она мстит судье

за то, что он осудил на смерть ее незаконнорожденного сына-преступника. Старая ханжа, которая выгнала несчастную дурочку-служанку, понесшую от соблазнителя, после чего девчушка утопилась, сама была еще той штучкой, ведя в своей замшелой деревушке двойную жизнь.

Дементорша кивнула, и Нина живо спросила:

— А это на самом деле так? Ну, не в романе, а в *той* литературной вселенной, я имею в виду?

Дементорша пожала плечами и отпила из кружки.

— Понятия не имею, но похоже на правду.

Нина качнула головой.

— Именно что похоже! Там все за уши притянуто! В особенности с незаконнорожденным сыном старой девы мисс Брент. Так ведь можно наплести, что Вера Клейторн была содержанкой какого-нибудь герцога и родила от него ребенка, шантажируя его этим, а генерал Макартур убил свою жену, потому что та оказалась лесбиянкой. Или что доктор Армстронг сбегивал из больницы налево наркотики, а веселый юноша Тони Марстон распространял их среди лондонской золотой молодежи! А заведовал всей этой наркомафией отставной полицейский Генри Блор.

— Можно, — согласилась дементорша, — но он же не написал этого!

Нина предложила гостье еще кусочек торта, от которого та отказалась (вот ведь сила воли — ну, и, соответственно, фигура!), и положила себе на тарелку еще один ломтик — *малюсенький*.

Ну, или *почти* малюсенький.

— Знаете, ведь я провела кое-какое литературоведческое исследование, и оказалось, что давно уже имеется компьютерная игра по роману Кристи, и там убийцей является не судья, а именно мисс Брент, которая на самом деле знаменитая голливудская актриса, купившая остров и мстящая судье за то, что он осудил на смерть ее любовника. *Знакомо*, не так ли? Думаю, наш парижский друг просто слямзил сюжет компьютерной игры и переименовал его в своем опусе.

— А что, если нет?

Дементорша уставилась на нее, и Нине стало не по себе.

— Понимаю, вы хотите мне предложить отправиться туда и узнать, как все было на самом деле, ведь так? Мы уже об этом говорили. Но даже если выяснится, что убийцей был не судья, а мисс Brent, то что с того?

Нина смолкла, а часы продолжали отсчитывать немолимо ускользающие мгновения жизни.

Тик-так, тик-так, тик-так.

Встав, дементорша прошла по просторной кухне и наконец сказала:

— Вы вот все нас ужасно не любите. Вы, хранители порталов. Те, которые регулярно совершают литературные вояжи. Мы же для вас «люди в черном», литературное КГБ, дементоры...

Нина покраснела, а дементорша продолжила:

— И это, надо сказать, еще самые безобидные прозвища. Вы нас не любите, презираете, считаете паразитами. А мы при этом вас защищаем.

Поставив чашку на стол, Нина заметила:

— *Защищаете?* Это как? Вы и ваши ребята ворвались ко мне в дом, перевернули все вверх дном, запугали моего... моего мужа, едва не отключили мой литературный портал и чуть не забрали меня с собой, чтобы, вероятно, сослать в гости к Пеннивайзу. Это такая защита?

Без тени улыбки посмотрев на нее, дементорша отчеканила:

— Вы вышли замуж? Поздравляю. За вашего доктора? Неплохой человек, хоть и литературный пришелец. Не выдержав, Нина закричала:

— Никакой он не пришелец! И кто пришелец, а кто нет, какое это имеет значение? Он ведь человек! И я его люблю. Вы сами вообще кого-нибудь любили?

Она осеклась, понимая, что хватила лишку, а дементорша, вдруг резко отвернувшись, подошла к окну, за которым сгустилась тьма.

— Любила. Я ведь не машина, хотя именно такими вы нас представляете.

— Извините... — пробормотала Нина, а дементорша продолжила:

— Извиняю. Ну хорошо, будем говорить начистоту. Вы, Нина Петровна, правы, ведь, по сути, это невинное хобби: шляться по великим и не очень произведениям и заниматься там черт-те чем. Какая разница, кто убийца:

судья или старая дева. И кто погиб под колесами поезда — Анна Каренина или все же ее старый муж?

Нина усмехнулась — дементорша была явно в курсе приключений самой Нины в «Анне Карениной».

— Разве это что-то меняет? Ну да, в их мире все, а в *нашем*?

Она снова уставилась на Нину, и та медленно произнесла:

— В нашем, наверное, тоже. Не всегда, но потенциально такая возможность есть.

Она вспомнила одного *литературного пришельца*, который, желая исправить измененное ею же в литературном мире, явился в наш — и терпеливо ждал этого двадцать с лишним лет.

Много чего при этом наворотив.

Дементорша, усевшись за стол, с грохотом отложила испачканный кремом нож и сказала:

— Не просто обладает, и не наверное. Каждое путешествие меняет что-то не только там, но и тут! Пусть мелочь, незначительную деталь, но меняет. И за этим нужен контроль, потому что если шастать туда беспрестанно и все менять в тех мирах, кое-что может измениться и в нашем, причем *кардинально*.

Посмотрев на нее, Нина выдавила:

— И вы именно этим и занимаетесь?

Дементорша энергично кивнула.

— В том числе и этим, Нина Петровна. Но вернемся к нашему парижскому другу...

Она постучала пальцем по опусу французского профессора, и Нина вдруг воскликнула:

— Понимаю! С личностью убийцы в «Десяти негрिताх» каким-то образом связаны возможные существенные изменения в *нашем* мире?

Дементорша впервые за все время улыбнулась, причем не натужно, а по-настоящему.

— Это вы сказали, учтите, а не я! Я вам ничего такого не говорила, это я отмечаю так, на всякий случай!

Их что, подслушивали? Или, вернее, *прослушивали*? *Тик-так, тик-так, тик-так.*

— А что именно изменится, если... если убийцей окажется *не* Уоргрейв? — спросила Нина, а дементорша сухо ответила:

— Не вашего ума дело, Нина Петровна!

Обидевшись, Нина заявила:

— Раз не моего, так сами туда и отправляйтесь. И штурмуйте со своими ребятами Негритянский остров, берите под стражу всех приглашенных туда, проводите очные ставки, пытайте, засовывайте в канализацию к Пеннивайзу или отправляйте на изысканное суаре к Ганнибалу Лектеру — в качестве *десерта*. Зачем вам я?

Дементорша, вздохнув, помолчала, а потом сказала:

— Вы сами знаете, что через литературный портал пройти может не каждый, кто пожелает, а только избранные. Наш парижский друг страстно этого желает, но он не избранный.

Нина заметила:

— Ну, пусть ваши ребята не в состоянии, но вы-то можете, раз с танцующим клоуном Пеннивайзом встречались.

Дементорша упрямо качнула головой.

— Никто из нас не может, это железное правило. Чтобы не было соблазна.

Нина заявила:

— Но вы-то с клоуном встречались — или вы все мне наврали?

— Встречалась. Я с вами честна, как ни с кем ранее.

— Ну, тогда у вас была возможность открывать портал, а потом исчезла, что ли? Я о таком только слышала.

Она осеклась и, вскочив из-за стола, да так, что задела при этом о край — чашки загрохотали, выпалила:

— Господи, да это не вы в мир Пеннивайза перемещались, а он в наш! *Ведь так?*

Дементорша, мрачно глядя на нее, ничего не отвечала, и Нина в ужасе поняла: да, именно *так*.

— А он... точно *уничтожен*? — спросила она срывающимся голосом, и в этот момент раздался невинный звук: капля, оторвавшись от протекавшего с некоторых пор кухонного крана, упала на металлическую мойку.

Раньше бы Нина попросила Женю, *ее* Женю, озаботиться починкой крана, а теперь она в страхе уставилась на мойку, словно ожидая, что оттуда...

Прямо оттуда, из канализации, донесется сатанинский хохот?

И как после этого она будет *ванну принимать*?

Дементорша дернула головой и снова встала.

— Уничтожить его нельзя, но мы сумели вернуть его в литературный мир.

Нина облегченно выпалила:

— Надеюсь, в *его* литературный мир, а не в какой-то другой...

И снова осеклась, осознав: именно что в другой.

Девушка истошно закричала:

— Куда вы сбагрили этого монстра? Неужели в «Десять негрятят»? А теперь на полном серьезе заявляетесь ко мне и хотите, чтобы я наведальась туда? Вы что, с ума сошли?

Дементорша прервала ее крики.

— Это вы, Нина Петровна, с ума сошли. Нет, он совсем в ином литературном мире, там, где даже такой твари, как этот Пеннивайз, не поздоровится.

Это в каком таком?

— В рассказы Лавкрафта, что ли, его отправили? К Ктулху и иже с ним? — предположила она, и дементорша поцокала языком.

— Это государственная тайна. Если я вам скажу, и вы, и я окажемся там, откуда мы уже никогда больше не выберемся. Вы же этого не хотите?

Нина не хотела.

— Но точно *не* в «Десять негрятят»? *Точно?* Или там не Пеннивайз, а какой-то иной монстр?

Дементорша же, выйдя в коридор, вернулась с портфелем, из которого извлекла папку и положила ее на стол перед Ниной. Та раскрыла ее и увидела пожелтевшие листы с текстом на английском, напечатанном на машинке.

— *«Мое признание. Кто же всех их убил».*

И, оставившись на дементоршу и тотчас забыв о веселом клоуне Пеннивайзе, выпалила:

— Это же признание судьи, ведь так? В романе он все изложил на бумаге, засунул в бутылку и бросил в море. А ту спустя какое-то время выловили рыбаки и передали в Скотленд-Ярд.

Нина лихорадочно пролистала страницы. Ну да, это текст из романа Агаты Кристи — точнее, текст признания судьи Лоуренса Уоргрейва, именем которого и было подписано разоблачение этих жуткий деяний.

— Да, это так, — согласилась дементорша. — Рыбаки с траулера «Эмма Джейн» извлекли запечатанную сургучом бутылку в порту Плимута. Это тот же самый текст, который представляет собой финал романа Кристи. Признание судьи и описание того, как он всех убил.

Нина, вчитываясь в строчки зловещего признания, от которого у нее пошла по коже мурашки, сказала:

— Ну, тогда и причин отправляться в «Десять негритят» нет. Убийца, без сомнений, судья.

Дементорша сказала:

— Да, но на острове не нашли остатков сургуча и кастрюльки или иной тары, в которой судья должен был растопить его, чтобы запечатать бутылку.

— Ну, он мог элементарно выбросить кастрюльку в море.

— Мог, но зачем?

Нина сообразила.

— Чтобы прибывшим на остров следователям это не помогло выйти на его след. Ведь он хотел одурачить всех, сделать так, чтобы никто не понял, кто же убийца, а потом довериться судьбе, бросив бутылку с признанием в море: найдут — узнают, может, вообще через триста лет, а нет, значит, так навсегда и останется тайной.

Дементорша удивленно посмотрела на нее.

— Вы, Нина Петровна, явно не дура.

— Благодарю, я в курсе. Но, вижу, у вас есть иные аргументы. Какие, к примеру? Может, мы найдем всему объяснение и мне никуда не понадобится вояжировать?

Дементорша кивнула.

— Бутылка особая, напитков в такой таре на острове не было: ни полных в кладовке, ни пустых в отходах, ни в комнатах жертв.

Нина усмехнулась.

— Проще простого! Судья привез ее с собой. Он заранее знал, что ему нужна особая, не простая, легко разбивающаяся, бутылка, видимо, из толстого стекла, и он взял ее с собой на остров. А там мог просто поставить в кладовку или еще куда-то, ведь на пустую бутылку все равно никто не обратит внимания. А потом, когда все закончилось, по крайней мере, для его жертв, взять и вложить в нее признание, запечатать также привезенным с материка сургучом и швырнуть с обрыва в море.

Дементорша, взирая на нее в явном восхищении, заявила:

— Вам только у нас работать, Нина Петровна! У меня как раз место заместителя освободилось...

Ее заместитель, как выяснилось, и был помощником того самого информатора и пришельца из литературного мира, который едва не убил Нину и приложил колоссальные усилия, чтобы очернить в глазах литературных дементоров Женю.

Ее Женю.

Интересно, куда несчастного предателя сослали — в тот же мир, куда удалось выпихнуть Пеннивайза?

— Да нет, как говорится, *уж лучше вы к нам...* — пробормотала девушка и добавила: — И это все? Ну, тогда вояж отменяете, вы оставляете нас с Женей наконец в покое и...

Дементорша кашлянула, и Нина поняла, что нет, не все:

— Признание, как вы видите, написано не от руки, а напечатано на печатной машинке. На острове одна такая была обнаружена, но совсем другой модели и с совершенно иным шрифтом.

Нина заявила:

— То же, что и с кастрюлькой с сургучом. Судья привез машинку с собой, а потом швырнул в море — все элементарно, Ватсон!

Она явно гордилась собой.

— Ну что же у вас все в море сбрасывается, Нина Петровна, прием избитый! Да и экологический баланс явно не улучшает. Ну хорошо, а что вы скажете на то, что на рукописи не обнаружено ни единого отпечатка пальца. Повторяю, *ни единого!* Кто-то приложил огромные усилия, чтобы избежать этого!

Нина, несколько озадаченная подобным поворотом, нашлась с ответом:

— Судья все делал в перчатках.

— Зачем, Нина Петровна, *зачем?* Он ведь *и так* подпisał признание своим именем и детально все изложил, к чему пытаться скрыть свои отпечатки?

Действительно, как-то *глупо* получалось. А старый судья Уоргрейв глупцом уж точно не был.

Нина не сдавалась:

— Ну, мало ли почему он не снял перчатки. Такой у него был пунктик.

Дементорша заявила:

— Перчатки у него нашли, как и летнее пальто и котелок, но, вероятно, вы, Нина Петровна, скажете, что он пользовался другими, которые потом *швырнул в море*.

Нина поняла, что дементорша подтрунивает над ней.

— Скажу, да! Разве это так уж невероятно? Может, как-то странно, но *допустимо*, вы не находите?

Дементорша медленно кивнула и ответила:

— Да, все это допустимо, хотя в некоторых случаях и с большой натяжкой, и мы бы на этом закрыли дело судьи Уоргрейва, если бы не одно последнее «но»...

Она сделала драматическую паузу, и Нина, не выдержав, спросила:

— Какое еще *но*?

Дементорша наконец принялась говорить:

— В тридцатые годы все, даже самые тупые преступники, слышали об отпечатках пальцев и старались не оставлять их, дабы не быть изобличенными. Но о ДНК никто еще представления не имел. Тот, кто бросил это признание от лица судьи Уоргрейва в море, соблюдал все меры предосторожности почти столетней давности. Отпечатков, и это правда, нет, но есть микроскопические, глазу не заметные, частицы кожи, которые попали на бумаги, прекрасно сохранились и были подвергнуты анализу.

Нина ахнула.

— Вы раскрываете преступление из литературного мира методами из нашего? С ума сойти!

Дементорша слабо усмехнулась.

— Повремените. Много этот анализ не дал. Тем более что все тела давно рассыпались в прах, по крайней мере, в том мире, и пробы для сравнительного анализа взять негде. Однако все исследования показали одно и то же: эти микрочастицы, которые попали на признание судьи при его написании, несут в себе ДНК не мужчины, а женщины! Причем все — одной и той же!

Нина потрясенно молчала, а потом предположила:

— А судья точно был... *мужчиной*?

Дементорша захохотала, наверное, первый раз в своей жизни.

— Нина Петровна, вы не сдаетесь, и это качество мне очень по душе — сама такая. Нет, поверьте, он точно *не был* женщиной, которая все годы жила под видом мужчины.

Нина заявила:

— Тогда наш парижский друг прав. *Это наверняка старая дева мисс Brent!*

Дементорша не без скепсиса уставилась на Нину.

— Может, и она, может, и нет. Благодарю за информацию о сюжете компьютерной игры, я этого не знала. Но не думаю отчего-то, что наш парижский *шер-ами* так нагло скопировал ее. Хотя кто знает... И не забывайте, помимо мисс Brent там были по крайней мере еще две другие дамы — гувернантка Вера Клейторн, особа весьма хладнокровная и себе на уме, во всяком случае, в романе, и, более того, готовая идти для достижения своих целей буквально по трупам, и «серая мышка» миссис Роджерс, горничная, которая умерла в самом начале и никакой особой роли в развитии интриги не играла. Но это, повторяюсь, в романе Кристи...

Нина кивнула, прекрасно понимая, что имела в виду дементорша: то, как это происходило в романе, было одно, а то, как в возникшей из этого романа независимой от него литературной вселенной — *совсем другое*.

Поэтому-то дементорша вела речь о том, что на острове находились и две другие женщины — в романе да, но кто знает, сколько их было в *реальности*.

— А я слышала, что по ДНК можно получить информацию чуть ли не о внешности человека, о том, где он родился и вырос... — произнесла Нина с надеждой и вопрошительно посмотрела на дементоршу.

— Не переоценивайте возможности современной науки, Нина Петровна. Пол, безусловно, и это ДНК женщины, причем, повторяюсь, одной и той же. Женщины европейки. Цвет глаз, вероятно, светлый, волос — темный, а вот все остальное...

Она смокла, и Нина вздохнула.

Тик-так, тик-так, тик-так.

— Негусто, — вздохнула она, и дементорша подтвердила:

— Вот именно, Нина Петровна, *негусто*. Поэтому требуется доскональное и тщательное расследование на месте преступления, в данном случае преступления *готовящегося*, которое, не исключено, вы сможете даже предотвратить. Неужели вам не хочется спасти жизни десяти человек?

Нина быстро ответила:

— Девяти. Судью мне не жаль, спасти его я не буду.

— А что, если он такая же жертва, как и все остальные? И убийца — *вовсе не Уоргрейв*?

Нина заявила:

— Ну, *тогда* мисс Брент! Ладно, это было ироничное замечание, не более того. Но скажите, отчего так важно установить истинного убийцу именно в «Десяти негритяках»?

Ответ, причем не самый лицеприятный, она от дементорши уже получила, но не сдавалась — та же сама только что похвалила ее упорство.

Не сработало.

— Нина Петровна, повторюсь, это не вашего ума дело. Может, звучит и обидно, но это так. Я и сама многого не знаю, и я вас не обманываю.

Нина ей поверила.

— А что, если я отвечу нет? — быстро спросила она, уже зная, что скажет *да*.

Точнее, понимая, что уже сказала — себе самой.

— Тогда, Нина Петровна, погибнет десять человек. Пусть и не невинных, а очень даже виноватых, но разве вы сможете жить с осознанием того, что могли остановить маньяка, и не сделали этого, позволив ему отправиться на тот свет кучу людей?

Нина ответила:

— Знаете, если подсчитать количество жертв всех детективных романов, написанных хотя бы только в двадцатом веке, то мы получим население мегаполиса. А то и *не самой* маленькой страны. Мне что, *всех* их жалеть и спасать?

Но она понимала, что решение принято, и дементорша наверняка тоже это знала.

— Не всех, а этих десятерых. Ну, или сколько получится. Даже если ни одного не спасете, это не ваша вина. Главное — узнать, кто убийца!

— А что, если это все же Уоргрейв? Просто он так тщательно запутал следы, чтобы самому прикинуться жертвой?

— Значит, это Уоргрейв, Нина Петровна. Только сами подумайте, что следы он хоть и заметал, но не все, потому что жаждал признания, как любая творческая личность, а он сам считал себя таковой, правда, в сомнительной сфере серийных убийств.

С этими словами дементорша презентовала ей еще один выцветший листок, и Нина пробежала его глазами.

— Приглашение на казнь, так сказать? Одно из посланий Уоргрейва, точнее, убийцы с Негритянского острова, которым он заманивал туда свои жертвы?

Так и было — данное послание адресовалось мисс Brent.

Опять эта старая ханжа!

— Только подпись странная, — заявила, прочитав это незамысловатое послание, Нина. — В английском оригинале послания подписывались, за исключением пары случаев, именем Ulick Norman Owen или Una Nancy Owen. Ну, если опустить полные имена, то получалось: U.N. Owen, что можно прочесть и понять в английском как послание от Unknown, то есть от Анонима, Невесть-Кого, Человека-Без-Имени.

Дементорша слегка ослабилась, явно довольная ее выводами.

— В русских переводах это передавали по-разному. И как У.Н. Оним с пояснением в сноске, или А.Н.Оним. То есть *аноним*. А тут какой-то *Eu. R. Dudd*. — И сама же, чувствуя небывалое волнение, дала ответ: — Ну да, одно дело — текст романа Кристи, а совсем другое — реальности тамошней литературной вселенной. Это в романе U.N. Owen, то есть звучит как «unknown», *без имени*, а в действительности это был именно что...

И она выговорила:

— *Ю.Ар. Дадд*. Прошу прощения за мое произношение, оно далеко не идеальное, я знаю, но сколько над ним ни работаю, улучшается незначительно. Кстати, это ведь тоже станет проблемой, если я туда отправлюсь, за англичанку выдать себя не получится, придется играть роль иностранки?

— И в «Убийстве Роджера Экройда», и в «Собаке Баскервилей» у вас это неплохо получилось, Нина Петровна.

Ну да, она там выдавала себя за иностранку, в одном случае — за секретаршу Эркюля Пуаро, а в другом — за помощницу Шерлока Холмса.

И ведь *поверили!*

Нина продолжила:

— Если я правильно понимаю, то это *Ю.Ар. Дадд* звучит похоже на английское же *you are dead*. Ну, то есть «вы мертвы»! *Ничего себе псевдонимчик!*

Дементорша подтвердила:

— Да, кто-то явно постарался. То ли судья, то ли мисс Brent, то ли еще невесть кто. К Агате Кристи это отношения не имеет — правда, в Америке ее романы выходили в издательстве «Dodd, Mead and Company», но оно перестало существовать уже лет тридцать с лишним назад, как и то, которое издавало романы Кристи в Британии, «Collins Crime Club». Вот отправляйтесь туда и выясните все, Нина Петровна. Вы ведь сможете?

Нина, все еще глядя на пожелтевшее приглашение на казнь, кивнула. И, подняв глаза на дементоршу, сказала:

— Думаю, смогу. Я попытаюсь, хотя гарантию дать не могу. Но только с одним условием...

Сузив глаза, дементорша заявила:

— Условия решили выдвинуть? Ну что же, давайте, Нина Петровна. Наверняка что-то касается вашего крайне подозрительного *пришельца* и *вторженца* доктора Дорна? Хотите, чтобы мы оставили его в покое и перестали держать его на мушке?

Нина, конечно же, хотела этого, причем страстно, но понимала, что вряд ли кто-то исполнит ее желание.

— Да нет же, не напрягайтесь вы так. Просто вы все время зовете меня по имени и даже отчеству, а как я могу величать вас? Вы вот торт принесли, мы чай вместе пьем, рассуждая о том, как спасти жизни десяти жертвам, а я не знаю, как вас зовут. Так *как* вас зовут?

Остолбенев, дементорша уставилась на нее, а потом ее лицо озарилось — правда, всего на *мгновение* — теплой человеческой улыбкой.

— Вообще-то как и вас — *Нина!*

...Заслышав голос судьи Уоргрейва у себя за спиной, Нина даже не вздрогнула, потому что хоть и не думала, что такое случится, подсознательно была настроена на подобное развитие ситуации.

Нечего без спроса копаться в чужих саквояжах, даже если это вещи убийцы.

Возможного убийцы — или невинной жертвы.

Пока что она не нашла ничего такого, что доказывало бы невинность судьи, но и ничего, что бы прямо свидетельствовало в пользу его причастности к убийствам на острове.

Острове Альбатросов.

Медленно развернувшись (и все держа в руках коробочку со вставной челюстью судьи), Нина увидела Уоргрейва, который злобно уставился на нее, явно готовый устроить скандал и вызвать проводника, а потом наверняка и полицию.

— Милая барышня, вы что, язык проглотили? Я ведь задал вам вопрос и прошу дать на него ответ!

Нина, понимая, что нести околесицу о том, что она «случайно» открыла саквояж и «бессознательно» запустила в него обе руки, не стоит.

И что нападение — лучшая форма защиты.

Поэтому вызывающим тоном и звонким голосом она произнесла, глядя прямо в глаза судье:

— Ваша Честь, я думала, что вы ушли в отставку, а ведете себя по-прежнему как в зале суда во время перекрестного допроса не внушающего доверия свидетеля.

Уоргрейв, сглотнув, выпучился на нее, а потом заявил:

— Вы точно ведете себя как не внушающий доверия свидетель на перекрестном допросе, милая барышня, потому что явно тянете время, пытаетесь сообразить, как лучше мне наврать. Но у меня нюх на ложь, уж поверьте!

«Ваша Честь» был безусловно прав, сказывалась долгая практика в судебной мантии и парике с молоточком в руке.

— Своего рода профессиональное заболевание, Ваша Честь? Как «угольное легкое» у шахтеров или сенсоневральная тугоухость у трубачей?

Судья Уоргрейв, приподнимаясь, заявил: